

Инокровец: Последняя воля Белой Луны

Варвольфус

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Варвольфус

**Инокровец: Последняя
воля Белой Луны**

«Автор»

2025

Варвольфус

Инокровец: Последняя воля Белой Луны / Варвольфус —
«Автор», 2025

Инокровец: Последняя воля Белой Луны В темном мире, где чудища оживают с закатом, а люди хуже зверей, простой парень из деревни Чистая покидает родные края в поисках таинственного места, указанного на старом пергаменте. Джон, наделенный редкой стойкостью и растущим мастерством выживания, сталкивается с первыми настоящими испытаниями: разбойниками, ожившими мертвецами и неведомыми ночными чудовищами. Каждый шаг — это бой за жизнь, где страх превращается в силу, а добрые дела редко остаются безнаказанными. Сможет ли он добраться до своей цели, одолеть тени прошлого и найти союзников в мире, где герои — редкость? Темное фэнтези о становлении героя, полном опасностей, тайн и моральных дилемм. Содержит сцены насилия, эротику, нецензурную брань и элементы тёмного фэнтези.

© Варвольфус, 2025

© Автор, 2025

Содержание

Предисловие к книге “Инокровец: Последняя воля Белой Луны”	5
Глава I: "Исток"	7
Глава II: "Путешествие начинается"	24
Глава III: "Лесная тварь"	38
Глава IV: "Первый Заказ"	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Варвольфус

Инокровец: Последняя воля Белой Луны

Предисловие к книге «Инокровец: Последняя воля Белой Луны»

Эта история разворачивается в мире, удивительно похожем на наш, — мире, рассеченном на несколько частей света, на каждой из которых живет свой собственный народ, со своей культурой, древними обычаями, верованиями и образом жизни.

Но, не будем углубляться в дебри культурных тонкостей — сразу к делу. Действие нашей история происходит на великане континентов — Земле Белого Дракона, что в простонародье зовется Белодраконьем...

Множество славных лет этой землей правил Скракен Волчья Лапа — человек поистине легендарный, поднявший из пепла войн разоренную страну и даровавший народу золотой век мира и благоденствия. Справедливый и мудрый, он был отцом для народа, а народ отвечал ему преданностью и любовью, что крепче любой стали.

Но Скракен был не простым человеком, в жилах его рода — Волчья Лапа — текла так называемая, в узких кругах, Древняя Кровь, дарующая огромную силу, о которой ходило много слухов и домыслов. Она наделяла избранных нечеловеческой мощью и способностями, граничащими с чудом. Обычные смертные лишь мечтали о подобном, а сказители множили байки: о героях, сокрушавших горы одним ударом... о воинах, повелевавших пламенем... В народе таких прозвали Инокровцами.

Под рукой, этого великого правителя, Белодраконье расцвело. Забытые смуты, междоусобицы и чудовища, загнанные в земные бездны рыцарями Волчьей Лапы, канули в забвение. Люди вкушали плоды мира... пока в один роковой день не началась война...

17 мая 1309 года с южных берегов хлынуло невиданное войско — орда из туманных далей под черным стягом Темного Воина, как его прозвали в народе. В сопровождении своей свиты — Каннибала и Пожинателя — он обрушил на земли Скракена вихрь разрушения. Белодраконские рати, застигнутые врасплох, таяли, как снег под летним солнцем, неготовые к такому зверскому нашествию извне.

Путь к Трехглавому Замку, сердцу королевства, Темные проложили, сметая все на своем пути: три отряда несли смерть, оставляя за собой выжженные деревни и поселения, дымящиеся руины и горы, изувеченных тел. Ни женщины, ни дети не находили пощады от ужасной темной силы. После кровавой осады, Темный Воин захватил трон, пролив кровь Скракена и истребив весь его род...

Так родилась Эпоха Власти Темных, которая принесла великие беды и превратила жизнь людей в кошмар. Белодраконье склонилось под пятой узурпатора, а его гнусная армия кроважных солдат, облаченных в жуткие темные доспехи, от которых кровь стыла в жилах, принесла народу нищету и террор. Города ветшали под поборами, деревни истекали кровью от набегов, приближенных тирана, жаждущих забав и добычи. Люди смирились, склонив головы... но раны не заживали...

Вскоре к Темным добавилась новая беда. Огромное количество трупов войны пробудило чудовищ, скрывавшихся в своих норах, множество лет, куда их когда-то загнали члены рода Волчья Лапа и их верные рыцари. Темному Воину, в отличие от предыдущего правителя, было совершенно плевать на чудовищ и страдания поработанных. С каждым последующим годом, кровожадные порождения из иного мира, становились все сильнее и многочисленнее. Все это привело к тому, что монстры стали регулярно терзать деревни по ночам, утаскивая и пожирая беззащитных крестьян...

Казалось бы, чудовища — существа ночи и днем проблем нет. Темные собирают дань с поселений и городов лишь раз в два месяца. Но крестьян добивали разбойничьи стаи — волки в человеческом обличье, грабящие и режущие всех подряд...

Апрель 1328 года. На краю Белодраконья...

Деревенька Чистая, затерянная на самой окраине Земли Белого Дракона, оставалась единственным островком мира. Даже спустя годы после той страшной войны, унесшей десятки тысяч жизней, зло не зашло столь далеко.

Чистая насчитывала всего две дюжины бревенчатых домов — не считая бань и пристроек. Она славилась своими резными палисадами и избами, украшенными всяческими узорами, которые были созданы мастерами, в славные годы, когда этой землей правил Скракен...

Жители были добрыми и отзывчивыми, несмотря на власть Темных. К счастью, те сюда захаживали — долгий путь не стоил их внимания. Крестьяне охотились, вели подсобное хозяйство, менялись товаром. Денег здесь водилось мало, но это не мешало жить. Торговые повозки привозили товары, увозили деревянную утварь местного мастера и продукты питания, добытые охотой и хозяйством...

Именно здесь, в сердце забытого рая, начинается наша история — история о потерях, геройстве и последней надежде Белодраконья.

Глава I: "Исток"

“Не все наши желания сбываются, но те, которым все же довелось сбыться, зачастую требуют тяжелой платы.”

Эпизод 1: Удачная охота

12 Апреля 1328 года. Утро. В лесу, неподалеку от Чистой...

Утренний лес медленно пробуждался. Теплые лучи восходящего солнца неторопливо проникали сквозь густую завесу листвы, окрашивая кору вековых сосен и ковер опавших листьев в мягкие золотисто-оранжевые тона. Воздух еще хранил ночную свежесть, пропитанный росой и ароматом хвои. Природа оживала: в кронах щебетали малиновки... с высокой ветки заливался жаворонок... суетливо шныряли белки и лесные мышки, прячась от чужака в норах и дуплах. Лес дышал полной жизнью — шорох опадающих листьев под порывами ветерка... хруст тонких веток под лапками мелких зверьков... шелест крыльев вспугнутых птиц... сонное гудение насекомых, вылетающих из-под коры после ночной прохлады.

В глубине чащи, среди колючих кустарников ежевики и могучих стволов дубов, матерый вепрь копался во влажной, пропитанной росой земле. Его отвисшие бока ритмично вздрагивали при каждом движении, а из широкой тучной пасти, вырывались громкие хрюкающие всхлипы, эхом разносившиеся по лесной чаще. Огромная черная туша, ослепленная животным голодом, не замечала смерти, крадущейся к ней из зарослей. Мощные копыта мерно рыли жирную почву, выворачивая корни, клубни и дождевых червей, которые тут же исчезали в ненасытной глотке с влажным чавканьем.

Сквозь густую листву едва пробивался солнечный свет, слабо освещая лицо молодого охотника, затаившегося в засаде. Джон застыл и затаив дыхание, наблюдал за своей жертвой. Легкий сквознячок то и дело касался его разгоряченной от долгого ожидания кожи, пробегая по ней прохладным дыханием леса. Тени паутины дрожали на ветвях перед ним. Утренний туман стелился у самых ног. Это утро казалось волшебным... но прямо сейчас, оно должно было стать идеальным.

— Ага, вот ты и попался, — прошептал молодой охотник одними губами, медленно натягивая тетиву старенького, выдавшего виды лука.

Деревянная дуга напряглась до предела. Стрела с кремневым наконечником смотрела точно в черную, как смоль шерсть матерого кабана — цель нескольких часов напряженных поисков. Вепрь был в шаге от смерти. Тетива шелкнула. Стрела со свистом прорезала воздух и вонзилась в сердце с глухим ударом. Черная туша дернулась... покачнулась... и рухнула на бок, не успев даже понять, что произошло. Даже земля чуть содрогнулась под весом рухнувшей добычи.

— Готова, хрюшка! — воскликнул юноша, бросаясь к добыче через кусты.

У парня был очень счастливый вид, а как иначе, ведь сегодняшней поход в лес принес ему большую удачу и огромную тушу мяса. Его серо-голубые глаза блестели, от переполнявшей его, в эту самую секунду, первобытной радости. Теперь он мог похвастать знакомым своим мастерством, хотя на самом деле, ему просто крупно повезло...

— Какой же ты здоровый! — восхитился Джон, ощупывая бок гиганта, обтянутый жесткой щетиной. — Ничего себе, ну и здоровяк же ты. Ну ничего, сейчас все будет, — снимая из-за спины матерчатый мешок, заключил парень.

Хорошенько порыскав в своем вещмешке, юноша достал потертую, но не потерявшую прочности, джутовую веревку и старый охотничий нож. Вскрыв свинье брюхо и удалив из нее

вонючие кишки и желудок, он связал кабану задние копытца, предварительно проделав ножом дыры над ними. После проделанных манипуляций, молодой человек, вместе с добычей, неторопливо двинулся в направлении своего дома...

Спустя час тяжелого пути. Двор дома...

Кабан висел неподъемной ношей на плечах. Даже без кишок вес давил, словно каменная глыба. Джон рухнул у бочки с водой, жадно смывая с лица и рук густую свиную кровь, пропитавшую одежду до нитки. Лавка у стены приняла измученное тело. Десять минут блаженства — солнце грело лицо сквозь полузакрытые веки, легкий ветерок ласкал разгоряченную кожу, унося запах крови.

За спиной возвышалась бревенчатая изба матери Оливии — крепкая, несмотря на подгнившие нижние венцы и просевшую крышу. Здесь он жил с самого детства, с тех пор как помнил себя. Дом не выделялся среди других деревенских строений — такой же бедный, обшарпанный... но в Белодраконье были и намного хуже...

Взяв нож, топор и веревку, Джон приступил к разделке. Зеленая трава во дворе быстро залилась кровью, превращаясь в багровую жижу. За дощатым забором раздался хор завывающих дворняг — запах свежего мяса сводил их с ума. Голодные морды с остервенением тыкались в щели прогнивших досок... жалобно скулили... махали облезлыми хвостами, оставляя борозды на земле.

Отрубив копыта с хвостом тяжелым топором, охотник швырнул их за ограду. Чавканье... ликование... через минуту новый вой — требование добавки. Собаки рвали мясо с хрустом костей.

Скрипнула дверь избы. Обернувшись, Джон увидел мать Оливию — только что проснувшуюся, с растрепанными волосами. На ней был старенький сарафан с опояском... поношенные ботинки на исхудавших ногах, покрытых сеткой вен. Ей скоро должно было стукнуть шестьдесят четыре, но выглядела она бодро — выдавали лишь выцветшие волосы с седой проседью, да паутина мелких морщин у глаз и рта. Ярко-голубые глаза, не потерявшие детской живости, вспыхнули теплом при виде сына.

— Доброе утро Джонни. Неужели ты все же выследил эту бедную хрюшку? — ласково спросила она, щурясь от солнца.

— Доброе, мама — улыбнулся он, вытирая пот со лба. — Ничего себе бедная хрюшка, да этот кабан весил не меньше полутра сотен килограмм.

— Боже... милый, оно же испортится! Ну вот куда нам столько мяса? — напряженно спросила Оливия, переживая за столь ценный продукт.

— Ну... не переживай ты так. Засолю килограмм тридцать в погребе...на ужин самое лучшее оставлю... остальное — как закончу, отвезу на рынок, да продам, — заверил он, почесывая свой темно-русый затылок, слипшийся от пота.

— Ладно, ладно, — успокоившись, улыбнулась она. -Ты же наверно голоден, в такую рань встал. Пойдем накормлю как следует, а потом свои дела продолжишь, — улыбнулась мать, поворачиваясь к двери.

-Хорошо, сейчас приду, -кивнул парень вслед уходящей старушке.

Спустя несколько часов...

К обеду кабан был полностью разделан. Рекордный размер — почти в два раза больше обычных лесных вепрей этих краев. Тридцать килограммов засолено в прохладном погребе под полом избы. Прочную шкуру Джон тщательно очистил от мяса и жира, натер солью и повесил сушиться под крышей. В надежде сшить из нее теплый зимний плащ или крепкие сапоги. Остальное мясо аккуратно уложил в телегу, предварительно вырезав сочный эскалоп из вырезки — особый подарок для ужина.

Распахнув тяжелую деревянную дверь, Джон вошел в темную прихожую. Бревенчатые стены, пропитанные дымом очага... скрипящие половицы под ногами... солома торчит из щелей потолка, служа утеплителем. Мебели минимум — старый сундук да крючья для одежды.

— Мама! Иди сюда! — крикнул он, стряхивая грязь с сапог.

— Иду Джон, уже иду, — ласково отозвался пожилой голос с кухни.

Через несколько секунд Оливия появилась в дверях, вытирая руки о фартук. Голубые глаза сияли гордостью.

— Ну что молодец ты мой, закончил наконец-то?

— Да, самому не верится. Осталась малая часть, сходить продать остатки. И вот, держи — это нам на ужин — протянул свежий, сочный эскалоп, истекающий розовым соком.

— Ну хорошо, ступай. Я тогда начну готовить, — одобрительно кивнула мать, забирая мясо и возвращаясь на кухню.

Джон вышел во двор и направился к центру деревни вместе с телегой, нагруженной свиным мясом...

Чуть погодя...

Добравшись до места торговли, парень расположился в ожидании потенциальных покупателей. Сегодня у него был довольно удачный день и продажа товара не заставила себя долго ждать.

— Почем мяско, Джон? — прогудел басом.

Перед телегой вырос давний знакомый — отец подруги детства. Густая борода с проседью... лысина блестит на солнце... крепкие плечи под лыковой рубахой.

— Дядя Томас, здравствуйте — вскочил парень, вытирая пот. — Одна чешуйка за два кило, самое свежее!

— И тебе привет. Выследил все же матерого? — поинтересовался Томас, глядя на сочное мясо.

— Да, сегодня с утра я до него все же добрался, — похвастал парень.

— Молодец парень! Хорошо, что еще остались у нас в деревне молодые крепкие ребята. А то ж вся молодежь уехала поближе к крупным поселениям, все им веселья подавай, да жизнь интересную, — расстроено подвел мужчину.

— Ну так дядя Томас, ведь у нас действительно делать то особо нечего, живем бедно, торговать почти не с кем, не жили бы мы на окраине Белодраконья, никто бы не бежал отсюда. Я бы и сам очень хотел отправиться путешествовать, но если подумать головой, то это большой риск, да и мама у меня уже старая... не хочу оставлять ее одну, — вздохнул Джон, вспоминая голубые глаза Оливии.

— Да я все понимаю. Но и ты пойми, у всего есть две стороны медали и пусть мы живем в глуши и в бедности, зато мы живем безопаснее остальных. Нас почти не трогают Темные, да и чудищ в наших краях нет, а это на мой взгляд самое главное.

— Верите в чудовищ? — удивился Джон, щурясь на солнце.

— А ты нет? — изумился Томас, вскинув брови.

— Ну так я же их не видел. С детства о них баек наслушался, но лично так ни одного и не увидел. Так что по мне это просто страшилки для детей, не более.

— Зря ты так. Я ведь частенько езжу в другие деревни и мне доводилось слышать о последствиях встреч с ними. И поверь мне, это не просто какие-то байки — они есть, и после войны их стало куда больше. Но да, я их тоже не видел. Однако иногда стоит признать — если ты чего-то не видишь, это не значит, что его нет.

— А дочка ваша как поживает? — сменил тему, чувствуя неловкость.

— Кэтрин то? — задумался тот, а затем чуть подавленно, будто переживания охватили его, продолжил: — Дай бог хорошо. Я давненько не получал от нее известий... Ладно Джон, мне нужно идти, дел еще много. Давай я возьму у тебя, ну скажем килограмм десять мяса.

Томас отсчитал 5 медных Чешуек, взвалил мясо на плечо и ушел восвояси. Джон же задумался над словами мужчины, прогоняя в голове:

"А что если чудовища существуют? Почему мы их не видели? Все ли в порядке с его друзьями детства? Ведь если там, за пределами наших тихих мест, действительно так опасно, то почему они не вернулись обратно? Возможно Томас ошибался? И почему от Кэтрин нет вестей?"

Через некоторое время, парень успешно продал половину мяса, получив выручку в тридцать Чешуек. Вторую же половину, он выменял на старенький, ржавый довоенный меч, оставшийся у местного пожилого мужичка, еще с давних времен. Наконец, когда все мясо было распродано, Джон вытер пот и покатил пустую телегу домой. Колеса скрипели по ухабам, а позади вилась пыль...

Местной валютой в Белодраконье являлись маленькие медные монетки, именуемые Чешуйками. Именно они были основной ходовой валютой в деревнях и поселениях, но помимо их, существовали еще и Клыки — более крупные монеты из серебра, с зубом дракона на аверсе. Один такой Клык был равен сотне чешуйкам.

Спустя несколько часов, в доме Оливии...

Аромат жареного мяса уже плыл по избе, ударяя в ноздри сладковатым, манящим теплом. Джон сидел за грубоструганым дубовым столом, нетерпеливо постукивая пальцами по потертой столешнице. Мать Оливия появилась из кухни, неся чугунную сковороду с шипящим эскалопом и румяной печеной картошкой, политой ароматным салом. Пар взмыл к потолку, оседая на соломенных связках.

— Вот, отведай, что добыл, — с улыбкой произнесла Оливия, осторожно ставя тарелку перед сыном. Ее ярко-голубые глаза, не потерявшие живого блеска, горели материнской заботой. Она души не чаяла в Джоне — с самого его рождения, он стал для нее единственной радостью в этой жизни.

— Мама, а ты чего стоишь? Составь компанию! Без тебя не начну, — улыбнулся парень, сжимая в руках самодельную вилку из рога и острый нож с костяной рукоятью.

— Ну хорошо, Джонни, сейчас, — ласково отозвалась она, уходя за посудой для еще одной порции.

Как только мать вернулась с тарелкой и усадилась напротив, Джон нетерпеливо воткнул вилку в мясо. Первый кусок — горячий, сочный, пряный — заставил его зажмуриться от удовольствия. Сок потек по подбородку, капая на рубаху.

— Это просто великолепно! — с восхищением выдохнул он, прожевывая еще горячий, первый кусок нежнейшего эскалопа.

Он уплетал домашнюю пищу с жадностью голодного волка. Сало хрустело... мясо таяло... картошка отдавала теплом печи. Спустя пару минут его тарелка сияла чистотой, отполированная до блеска хлебной коркой.

— Спасибо большое, мама, — объевшись, блаженно выдохнул юноша довольным голосом. — Было очень вкусно!

— На здоровье, милый, — улыбнулась Оливия, ковыряя четвертинку своей порции. Ее аппетит всегда был скромным.

После ужина они долго сидели за столом. Мать спрашивала про охоту... про рынок... про выручку, а Джон похвастался ржавеньким мечом...

— Спокойной ночи, мама, — поцеловал ее в морщинистую щеку, направившись в свою комнату.

Парень вошел в свою ничтожную комнатушку. Обычная деревенская каморка — соломенная постель на деревянных козлах... бревенчатые стены без отделки... окно затянутое бычьим пузырем, через которое едва просачивался лунный свет. Ни занавесок... ни ковров... ни излишеств.

Упав на солому, Джон уныло вздохнул:

— Эх... Как же надоела эта житейская суета... — выдохнул он, устремив взор на звездное небо, видневшееся сквозь отвалившийся кусок пузыря. — Вот бы отправиться в путешествие... погулять по городам... увидеть свет... замки...

Звезды всегда манили Джона. В них было что-то магическое, загадочное, недоступное. Он долго всматривался в бескрайнюю глубину, пока вдруг его внимание не привлекла яркая падающая звезда. Она пронзила небо, оставляя за собой длинный огненный хвост.

— Говорят, если загадать желание — оно сбудется. Может, попробовать? — прошептал он сам себе.

Закрыв глаза, Джон собрал все мысли в кулак и загадал:

"Пусть моя жизнь перевернется... обретет смысл... появится цель, ради которой стоит жить. Деревенская жизнь — сплошная монотонность и пресность для молодого, энергичного парня вроде меня. Хочу отречься от этой жалкой суеты — охоты, рынка, свиней... и отправиться навстречу чему-то большему... новому... настоящему!"

Как только желание сорвалось с губ, падающая звезда на мгновение вспыхнула ослепительно ярко, словно услышала... пульсируя, задержалась... а затем насовсем исчезла, растворившись в бесконечности.

Джон закрыл глаза и в мгновение заснул, убаюканный усталостью долгого дня.

А звездное небо над Чистой стремительно менялось. Прозрачная синь сгущалась... набирали силу мрачные тучи... луна едва пробивалась сквозь рваные облака тусклым, болезненным светом. Спустя час деревня уже еле освещалась, и то лишь благодаря серебристому серпу, иногда выглядывающему из-за облаков. Еще через полтора часа Чистая окончательно растворилась во мраке...

Эпизод 2: Сокровище дракона

Примерно 10 лет назад. Деревня Чистая...

Это был самый обыкновенный летний день. Взрослые, как всегда, были поглощены работой и повседневными заботами: мужики в поте лица чинили плуги и телеги у кузни старого Ганса... женщины с ритмичным биением вальков стирали белье у быстрого ручья... старухи на крылечках мотали кудели, перешептываясь о свадьбах и невестках. Подрастающее поколение тем временем болталось по пыльным улицам в поисках развлечений — кто гнал обруч, кто кидал мяч в стену сарая, кто забирался на покосившиеся заборы соседей.

К счастью для местной малышни, в этой отдаленной деревеньке им ничто не угрожало. Даже трудно было поверить, что они живут в опасное послевоенное время, когда Скракен Волчьей Лапы свергнут, а Темные оккупанты с южных берегов используют народ Белодраконья как бесплатную рабочую силу и источник дани. Здесь дети резвились без страха, не подозревая, что где-то за лесами и холмами мир рушится, города ветшают под поборами, а чудовища выползают из земных трещин.

— Эй, Джон! А пошли на пляж! — восторженно взвизгнул светловолосый паренек, хлопнув товарища по плечу что есть силы костлявой ладошкой.

— Ай, больно же! — прижав ладонью ноющее место удара, недовольно сморщился мальчик, потирая ушиб через тонкую рубаху. — Я не против, Крис, почему бы и нет, — улыбнулся он на предложение друга, морщась от легкой боли.

— Ну вот, а говоришь больно! — торжествуяще воскликнул тот, сверкая белозубой улыбкой. — Я ведь знаю, что ты боли почти не чувствуешь! Вон хоть взять пару месяцев назад, когда мы с Эриком и его друзьями подрались у старой мельницы — все в итоге в ушибах и ссадинах почти неделю ходили, еле шевелились. А ты через два дня уже как новенький был, как на собаке все затянулось! Мне бы так... эх, завидую я тебе все-таки!

— Ты не прав, я чувствую боль! Просто... она быстро уходит, — спокойно возразил Джон, глядя на друга серо-голубыми глазами.

— Ну если было больно, то уж извини, я любя! — ехидно улыбнулся Крис.

— Какие же вы балбесы все-таки, — раздался милый звонкий девичий голосок из-за спины. Девочка с двумя русыми косичками, украшенными полевыми цветочками, стояла, уперев руки в бока. — Вот если бы вы не были такими настырными и не изображали бы из себя невесть кого, то и не получали бы от всех подряд по шее, — философски сделала вывод она, поправляя выбившуюся прядь волос.

— Это верно, — согласился Джон, почесывая затылок. — А ты пойдешь с нами на пляж? А Кэтрин?

— Я с радостью, — улыбнулась та, глядя мальчику прямо в глаза своими каре-зелеными глазами, отчего у Джона вдруг горячо стало в груди.

Дети собрались, зайдя за своим другом Яковом к нему домой — круглолицым, пухлым мальчуганом с соломенными вихрами — и дружно, вчетвером, зашагали по узкой тропинке через лес, ведущей к местному озерцу. Вокруг цвела летняя природа: птицы не умолкали в кронах — щебетали малиновки, пересмеивались дрозды, заливался жаворонок... легкий ветерок ласково трепал детские волосы... солнце светило особенно ярко, отражаясь в мелких лужицах, не успевших высохнуть после вчерашнего дождя. Воздух был пропитан запахом нагретой хвои, полевых цветов и влажной земли.

По пути Крис, как он это всегда любил, принялся рассказывать свои новые шутки и выдуманные истории, заставляя всех хохотать до слез. Кэтрин то и дело поправляла свои милые косички, разглядывая все вокруг с детским любопытством, а еще то и дело заглядывалась на Джона, краснея при каждом его взгляде. Яков плелся сзади, пыхтя и вытирая пот соломенной шляпой.

— А вы знаете, что на этом пляже раньше жил дракон? — вдруг произнес Крис с серьезным лицом, театрально понизив голос.

— Да ладно, — отмахнулся Джон, пнув камешек. — Ты же знаешь, байки для малышей.

— Ну а вдруг? — усмехнулся Крис, глаза хитро заблестели. — А если он сейчас спит под водой и ждет, когда кто-нибудь окунется?

— Ага, а потом схватит и утянет на дно! — подхватила Кэтрин, заливаясь звонким смехом. — Ну ты и фантазер, Крис!

— А если правда? — вдруг робко спросил Яков, который до этого молчал, испуганно озираясь по сторонам.

— Тогда мы все вместе ему скажем: «Эй, дракон, мы тебя не боимся!» — закричал Джон, размахивая руками, и дети дружно расхохотались, начиная гонять друг друга по узкой тропинке, спотыкаясь о корни и падая в траву.

Наконец, они вышли к пляжу. Небольшое озеро раскинулось перед ними как полированное зеркало, безупречно отражая безоблачное голубое небо и легкие перистые облака. Вода была прозрачной до самого песчаного дна, а на мелководье виднелись стайки мелких рыбок, шнырявших среди гладких, обточенных водой камней. Песок под босыми ногами был теплым,

приятно горячим, а по берегу цокали клешнями маленькие крабы, стремительно прячась в щелях между валунами.

— Смотрите, смотрите! — вдруг закричал Яков, указывая пальцем на быстро ползущего краба. — Он такой забавный! Смотрите, как клешнями щелкает!

— Да ты что, он же укусит! — взвизгнула Кэтрин, инстинктивно отшатнувшись, но тут же рассмеялась, когда краб шмыгнул в свою норку со скоростью молнии.

— Давайте играть! — предложил Крис, сбрасывая потрепанные опорки и босиком приплясывая на горячем песке.

— Да, давайте! — поддержала Кэтрин, и дети, смеясь и толкаясь, скинули обувь и побежали к воде, оставляя за собой следы маленьких ног.

Они ловили крабов плоскими камнями, визжа от восторга, когда те защелкивали клешнями... строили из песка крепости с рвами и башнями, украшая их ракушками и перьями... кидались комьями мокрого песка друг в друга, крича «сдаюсь!»... Потом устроили соревнование — кто дальше бросит камешек. Ребята долго бросали камни в воду, наблюдая, как расходятся круги по зеркальной глади, пугая любопытных рыбок.

— А давайте плавать! — вдруг предложил Джон, срывая рубаху.

— Ну уж нет, я боюсь! — отмахнулась Кэтрин, обхватив себя руками.

— Не бойся, мы тебя к глубине не подпустим, — успокоил ее Джон, уверенно кивая.

— А если дракон? — вдруг напомнил Яков, и все дружно расхохотались, забыв про страх.

Они зашли по колено в воду, плескались, обливали друг друга ледяными брызгами, устраивали битвы из фонтанов. Джон даже рискнул нырнуть и, когда вынырнул, тяжело дыша, гордо держал в руке большую перламутровую ракушку с перламутровым нутром.

— Вот это то самое сокровище, которое когда-то охранял местный дракон! — улыбаясь, протянул руку Джон, а затем звонко выдал: — Теперь оно ваше, принцесса Кэтрин!

— Спасибо, — чуть покраснев, приняла подарок она, осторожно беря ракушку ладонями, а затем, чуть замывшись, продолжила: — мой верный рыцарь.

Время пролетело незаметно. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в теплые золотистые и розовые оттенки, отражавшиеся в воде длинными дорожками. Дети устали, но довольные, сели на песок, чтобы передохнуть, раскидав ноги и тяжело дыша.

— Сегодня было очень весело, — произнес Крис, утирая потное лицо тыльной стороной ладони.

— А завтра пойдем снова? — спросила Кэтрин, сияя глазами и прижимая к груди драгоценную ракушку.

— Конечно! — ответил Джон. — Только если дракон не испугает.

Они собрались, надели пыльную обувь и медленно пошли обратно по знакомой тропинке. По дороге рассказывали друг другу о своих приключениях, смеялись и шутили, вспоминая, как Яков упал в песок, испугавшись краба. Вечер был тихим и теплым, а в воздухе витал запах нагретого песка, полевых цветов и свежей травы.

— Спасибо, что пошли со мной, — сказал Крис, глядя на друзей с благодарностью в голубых глазах.

— А как же иначе? — ответил Джон. — Ты же наш лучший друг!

Дети вернулись в деревню под лучами заходящего солнца. Родители уже ждали их у порогов домов — кто-то с упреком загулявшим детям, кто-то с улыбкой и миской свежих пирожков с вишней и маком. Джон помахал друзьям на прощание, чувствуя приятную усталость в ногах и тепло в груди от прожитого дня.

Вечером, лежа в постели под соломенной крышей, мальчишка с улыбкой вспоминал сегодняшний день. Плеск прохладной воды... звонкий смех друзей... и милое смущение Кэтрин, когда он подарил ей ракушку. "Нет ничего лучше простых радостей детства и настоящих друзей", — подумал он, засыпая под мерный стрекот сверчков за окном.

А возле дома, в тихом вечернем саду, мать Оливия сидела на старой лавочке, устремив задумчивый взгляд к небу. Звезды уже проступали на темном бархатном полотне, словно кто-то рассыпал крупинки серебра. Она улыбалась, радуясь, что у Джона есть настоящее мирное детство — без страха и лишений, с друзьями и беззаботными играми. Но улыбка постепенно угасала, сменяясь тенью былых воспоминаний.

Оливия тихо вздохнула и заговорила вслух, будто обращалась к невидимой собеседнице среди звезд:

— Интересно, как ты там, сестренка? Наблюдаешь ли за нами с небес? Джон растет хорошим мальчиком, думаю, ты бы им гордилась. У него есть друзья, спокойное детство, он целыми днями где-то пропадает, иногда дерется с другими мальчишками... Знаешь, я так рада, что сумела добраться сюда, в эту глушь, подальше от всего того ада.

Она замолчала, смахивая слезинку с морщинистой щеки. Воспоминания нахлынули волной — те страшные дни, когда мир рушился вокруг нее.

— Правда сейчас, вспоминая о том, что произошло, даже не верится, через что мне пришлось пройти. Какая длинная дорога была преодолена с малышом на руках... Грязь по колено, голод, страх за каждый шорох в лесу. Я до сих пор не понимаю, почему ты решила остаться с ним, а не бежать с нами... Видимо, ты считала это своим долгом — встретить гибель рядом с мужем. Хотя... возможно, у тебя был иной мотив. Страх, что тебя будут искать? Ведь они наверняка знали, что у него есть жена, и твой след мог привести к нам...

Голос Оливии дрогнул, она крепче обхватила себя руками, словно пытаясь удержать тепло былых дней и прогнать пронизывающий вечерний холод.

— Эх, Розалит, я очень скучаю по тебе, — с грустью завершила она, пуская по щеке горькую слезу. Соленая капелька скатилась по морщинке и упала прямо на землю сада, где когда-то играл маленький Джон, а затем растворилась в теплой вечерней земле.

Звезды над головой мерцали равнодушно, храня тайны прошлого и будущего. А в тихой деревне Чистая спали дети, не ведая о бурях, что еще ждут их впереди...

Эпизод 3: Темный день

13 Апреля. Утро. Деревня Чистая...

Наступил новый день. По молодому лицу парня, гладкому, без шрамов и каких-либо дефектов, игриво пробежали теплые лучики восходящего солнца. Прохладный сквознячок полз по деревянному полу, беря свое начало из небольших щелей, что образовались между бревенчатыми стенами спустя множество лет дождей, морозов и летнего зноя. Воздух в комнате был свежим, пропитанным запахом росы и вчерашнего мяса из кухни. За окном, затянутым тонким бычьим пузырем, просыпался лес: малиновки начинали свой утренний концерт, легкий туман стелился над поляной, а первые паутинки сверкали каплями росы, как усыпанные бриллиантами.

Всю эту ночь Джон спал крепким, безмятежным сном, убаюканный усталостью удачной охоты и тяжестью вчерашней туши кабана. Ему снились чудные, яркие сны — он путешествовал по огромной, необъятной земле Белодраконья, бывая в самых удивительных местах и знакомился со столь же неординарными личностями. Проспал почти до десяти и мог бы проспать еще больше, если бы его не разбудил загадочный шум, доносящийся с улицы — сначала приглушенный гул голосов, затем нарастающие крики.

Пробудившись, у Джона возникло какое-то поганое ощущение в груди, словно черный коготь сжал сердце. Тревога накатывала волнами: что-то должно произойти, что-то очень нехорошее, неотвратимое. Еще никогда раньше он не чувствовал ничего подобного — ни перед охотой на самого матерого вепря, ни перед драками с деревенскими мальчишками. Юноша продолжал лежать на шуршащей соломенной постели, прислушиваясь к своему дыханию, и

невольно думал: «Почему у меня чувство, будто что-то не так? Что грядет?» К сожалению, предчувствие его не подвело.

Прошло минут пять тяжелого, напряженного молчания. Джон неторопливо стал вставать с постели и одеваться, протирая еще заспанные серо-голубые глаза мозолистыми ладонями, натягивая вчерашнюю рубашку, пропитанную запахом пота и леса, как вдруг услышал раздавшиеся с улицы крики и вопли — женский визг, детский плач, хриплые мужские голоса. Уловив их, он в ту же секунду накинул на себя оставшуюся одежду, сапоги, ремень, а затем мигом выскочил из дома, схватив на всякий случай свой новоприобретенный ржавый меч...

Возгласы крестьян и чьи-то лязгающие, металлические голоса доносились из центра деревни, расположенного дальше по улице, всего-то в каких-то пяти домах от дома Джона и Оливии. Спешно устремившись туда и пробежав мимо трех покосившихся домов — у одного открыта дверь, у другого высунулась перепуганная старуха, у третьего воеет собака — парню открылась ужасающая картина.

В центре Чистой, образуя огромную, плотную толпу, стояли собравшиеся со всей деревни крестьяне — человек сорок, от малышей на руках до сгорбленных стариков. Они стояли напротив каких-то двух высоких рыцарей почти два метра ростом, облаченных в темные латы с фиолетовым металлическим отливом и рогатые однорогие шлемы с опущенными забралами. Целиком Джон не мог их разглядеть из-за толпы, но даже издали выглядели они довольно устрашающе: массивные шипастые наплечники, черные перчатки с когтями, тяжелые чоботы, вдавливающие грязь площади. Почему-то при виде этих солдат юношу охватил ужас, от которого сердце желало вырваться на волю и сбежать подальше — инстинкт, как у зверя перед хищником. Но не мог же он просто взять и развернуться, пойти дальше спать — ведь то, что там происходило, касалось не только всей его деревни, но и его самого.

Небольшая площадь с колодцем, являющаяся сердцем Чистой, была эпицентром происходящего, но вся эта толпа загораживала парню обзор, отчего он не видел самого главного. Юноша начал свой путь сквозь толпу, в глазах которых читались непередаваемый ужас и страх — женщины кусали губы до крови, мужики сжимали кулаки, дети прятались за спинами матерей. Джон пытался выяснить у людей, что происходит, хватая за рукава соседей: "Что? Кто они? Что хотят?" — но все только молчали и глядели на него со слезами и состраданием, будто в глубине души они уже знали, чем все это кончится. Правда, юноша еще не знал, какой удар был ему уготован судьбой.

Кое-как пробравшись через плотно собравшуюся толпу, локтями расталкивая плечи и спины, Джон наконец выбрался вперед и увидел, что происходило. В семи метрах от него стояли двое солдат в однорогих шлемах с опущенными забралами и черной как ночь броне, перебивающейся на утреннем солнце фиолетовым оттенком, словно выкованной из самой тьмы. Это были низкоранговые солдаты нынешнего правителя, известного простым людям под прозвищем "Темный Воин" или просто "Владыка" — тирана, чьи когти достигли даже этой забытой богом глуши. Его бойцы держали двух крестьян на коленях, прижав лица к грязи, а мечи приставили к их глоткам, угрожая убить, если жители не выполнят озвученные ими требования.

— Отпустите их, у нас нет таких денег! — послышался хриплый голос старосты Каина, находившегося ближе всех к солдатам. Он стоял так дрожащими ногами, что Джон не видел лица одного из заложников, но это явно была женщина — ее седые волосы и знакомый сарафан мелькнули в просветах толпы.

— Слушай, старик! Ты кого обманывать вздумал?! — лязгнул из-под жуткого однорогого шлема голос первого солдата, полный презрения и угрозы. — Вы итак раньше никогда не платили нам дань из-за своей отдаленности! Поэтому настало время это исправить и с лихвой! Двадцать Клыков сейчас — или их головы!

Вдруг второй хлопнул того по бронированному шипованному плечу железной перчаткой и бросил прожигающий взгляд на старосту через темное забрало.

— Хорошо, — неожиданно заскрипел второй, как ржавые петли двери, — мы вернемся в следующем месяце. — Но, — грозным голосом продолжил солдат, поднимая меч выше, — вы заплатите за просроченный месяц с процентами, а именно в двойном размере! А, чтобы вы не забыли приготовить необходимую сумму, мы сделаем это.

Темные достали свои мечи — острые как бритва, с зазубренными лезвиями. В мгновении ока они перерезали заложникам шеи одним движением. Яркая багровая жидкость хлынула из перерубленных артерий сидящих на коленях людей, окрашивая их чистую хлопковую одежду в красный, стекая в грязь площади лужами. Толпа зарыдала — женщины выли в голос, взрослые прижали к себе детей, закрывая их ладонями от происходящей сцены, а сами с ужасом наблюдали за жестокостью Темных, дошедших до их отдаленных краев. Солдаты пнули обмякшие тела, как мешки с отбросами, обтерли свои клинки об их окровавленную одежду и устремились прочь, оставив после себя убитых, лежащих без движения, словно какие-то соломенные куклы посреди площади.

Некогда румяное лицо юноши побледнело, словно из него вышла вся жизнь, кожа стала блее мела, а светло-серая радужка глаз затуманилась, словно ясное небо непроглядными грозными тучами. Сердце сжалось от боли, охваченное горечью и ужасом от увиденного им в эту самую секунду. Ведь только сейчас, когда староста бросился вперед в надежде, что еще можно кого-то спасти, Джон узнал в одном из заложников свою маму.

Лежа на земле, Оливия во всю истекала кровью из страшной раны на шее, но еще подавала признаки жизни — грудь слабо вздымалась, пальцы подергивались. Ее светло-голубые глаза смотрели прямо на Джона, полные любви и боли, а по щекам стекали слезы, сияющие на солнце, как последние бриллианты. Она желала что-то сказать на прощанье своему ребенку нечто важное, губы шевелились беззвучно, не обращая никакого внимания на старосту, склонившегося над ней и пытающегося хоть как-то помочь, зажимающего рану грязной тряпкой из кармана.

— Мама... — медленно прошептал парень, застывший словно вкопанный, ноги налились свинцом.

Джон неспешно достал ржавый меч и обхватил его рукоять со всей силы, костяшки побелели — не желая мириться с подобным. Его густые брови нахмурились от злости, а в глаза будто загорелись пламенем, желавшим поглотить злодеев.

— Они поплатятся за то, что совершили. Эти подлые чудовища будут молить меня о пощаде, — гневно пробурчал себе под нос Джон, а затем, переведя затуманенный взор на уходящих долой из деревни Темных, бросился следом, расталкивая толпу плечами.

Рыдающая толпа отдавалась горечи и трауру, рыдая и проклиная этот мрачный день и бездушных Темных. Именно поэтому они не сразу поняли, что произошло, а когда до них все же дошло, что задумал Джон, было уже поздно. Крестьяне пытаются окликнуть бесстрашного парня — "Джон, вернись! Убьют!" — но тот уже был достаточно далеко от них, и никто уже не мог его остановить. Люди прекрасно знали, что не стоит шутить с солдатами Владьки, ведь те даже за косой взгляд могли убить прохожего, а тут на них бросаются с мечом. В лучшем случае, солдаты убьют парня и уйдут, в худшем — вся деревня может поплатиться за его необдуманный поступок — сожжение, виселицы, новая дань кровью.

Охваченный слепой жадной мести и совершенно не думая ни о каких последствиях, которые последуют за его поступком, потерявший все, юноша мчался что есть мочи за облаченными в прочный металл убийцами. Темные отошли на достаточное расстояние и, к счастью, не слышали криков местных, брошенных в адрес парня, из-за шума леса, ветра и своего лязгающих доспехов — у Джона оставался элемент неожиданности. В это же самое время солдаты

шли и хохотали, довольствуясь содеянным, перебрасываясь грубыми шутками: "Старуха кровью истекла, как свинья!" — и даже не подозревали, что их ждет впереди.

Разъяренный парень с разбегу налетел на одного из совершенно неподозревающих солдат и вонзил тому свой ржавый меч прямо в спину. Лезвие прошло прямо промеж двух металлических пластин брони, вскочив в уязвимый сустав, и пронзило жизненно важные органы, буквально разорвав их из-за множественных сколов на лезвии — ржавчина и зазубрины сделали оружие импровизированной пилой. Этот удар был очень точен, словно был совершен опытным воином, но юноша конечно же таким не являлся — ему просто очень повезло, как вчера с идеальным выстрелом в сердце кабана.

Солдат тяжело прохрипел, булькая кровью из пробитых легких, так и не успев понять, что произошло. Его крепкое тело, облаченное в прочный железный доспех, повалилось на землю, звонко брякнув о каменистую дорогу — наплечники застучали по камням, шлем откатился в траву. Второй Темный обернулся на звон упавшего товарища и, увидев, что произошло, расвирепел, лицо под забралом исказилось яростью.

— Ах ты, грязная деревенщина! — заскрипел грозный голос ошарашенного бойца, полный животной злобы. — Да как ты смеешь атаковать приближенных Владыки! — выхватив свой меч из ножен, гневно лязгнул он, клинок сверкнул рунами. — За это ты и вся твоя деревня подохнете как собаки!

Разгневанный Темный в ту же секунду бросился на парня, нанося яростные удары сверху вниз. Джон, так и не сумев достать из тела убитого свой меч — лезвие заклинило в ребрах и костях — был вынужден уйти в сторону, уклоняясь от первого выпада. Каким-то невероятным образом парень ловко уклонялся от яростных атак солдата, летящих одна за другой — пригнулся под горизонтальным взмахом, отпрыгнул от тычка, увернулся от рубящего удара. Движения были кошачьими, грациозными, невероятными для деревенского охотника.

Выждав момент, когда Темный чуть переставил ногу и потерял равновесие, парень вновь бросился к убитому и схватил принадлежавший тому меч — тяжелый, черный, с рукоятью, обмотанной кожей, принял бой в стойке, которую учила Оливия.

Раздался лязг и звон стали. Блокируя вражеские атаки, несущиеся на него с немалой силой, Джон едва сдерживал этот напор — Темный бил как кузнечный молот. Силы у врага было хоть отбавляй, доспехи делали его машиной смерти. Руки парня начинали сдавать — по ним пробегала жуткая дрожь, исходящая от непривычной вибрации, источником которой было столкновение двух металлических лезвий, встречающихся с непостижимой силой. Пот заливал глаза, мышцы горели молочной кислотой. Усталость стремительно накапливалась и вот — Джон пропустил первый удар, разрезавший левый бок от ребер до бедра!

Одежда парня обагрилась от хлынувшей из раны крови, алая струя потекла по штанине, капая в грязь. Боль должна была ослепить, но... Неожиданно Джон почувствовал прилив сил, дарованный ему приумноженным гневом за смерть матери. Рана в боку перестала жечь — он ее не чувствовал. Время вокруг него будто сильно замедлилось — удары Темного стали предсказуемыми, как движения улитки. Он ловко парировал удары противника — блок, отвод, шаг назад — а уже через несколько мгновений солдат, убивший Оливию, лишился своей темной головы, и его металлическая черепушка оказалась прямо у ног юноши. Глаза шлема — яркие, сияющие красным светом, как раскаленные угли — потухли как свеча, зрачки закатились. Джон запнул эту голову в огромные соседние кусты ежевики, где она исчезла с хрустом веток и шорохом листьев.

Через несколько секунд, придя в себя, Джон почувствовал боль от полученной раны — бок пылал огнем, кровь текла ручьем, ноги подкашивались. Но ему было не до нее — тут же помчался к своей матери в надежде, что ей помогли и все хорошо. Пока он бежал обратно через площадь, спотыкаясь о камни, тяжело дыша, он проигрывал в голове свой первый бой и не понимал, как ему удалось справиться с двумя хорошо обученными солдатами, ведь он никогда

раньше не сражался с настоящими людьми, а только тренировался на соломенных чучелах во дворе, махал палкой с Крисом или стрелял по мишеням из лука... Но сейчас эти мысли были не важны — в эту секунду нужно было думать только о жизни своей мамы, самого близкого человека в своей жизни.

Джон впопыхах подбежал к ней и отбросив собравшихся людей — старосту, соседок, плачущих женщин — плечом и локтем, упал возле нее на колени в лужу крови.

— Мама, ты жива? Господи, прошу, не умирай! — голосом, полным боли, умолял парень, касаясь ее холодеющей руки.

Он смотрел на ее потускневшие голубые глаза и побледневшую от кровоизлияния кожу, словно выточенную из воска, а затем приник к ее седовласой голове, пропитанной кровью и грязью. Его серо-голубые глаза заливались слезами, катящимися по щекам, а сердце обливалось кровью и ненавистью к Темным, чьи доспехи все еще блестели в памяти.

— Мам, прости меня. Я... я не успел, только если бы я пришел раньше...

Она была мертва, Джон понимал это — грудь не вздымалась, глаза остекленели, губы посинели. Но почему-то надеялся на какое-то чудо, которого все никак не происходило. Спустя пару минут он закрыл ей глаза дрожащими пальцами — морщинки Оливии разгладились, лицо стало спокойным, юным, как в молодости. Он понимал, что ее душа уже ушла в лучший мир, где не было войн и проблем, в мир, где ее душа наконец могла найти покой.

Джон рыдал, не скрывая чувств, ведь мама для него была единственным родным человеком. Оливия вырастила и воспитала его, научила стрелять из лука — часами в лесу, тыкая в стволы и птиц... владеть мечом — стойка, замах, блок на палках... охотиться — читать следы, ставить силки, разделять тушу... разбираться в травах и ягодах — ромашка от живота, зверобой от ран, брусника от жара... а также обучила грамоте — читать старые свитки у очага, писать буквы на коре березы. А теперь ее не стало...

Толпа с горечью смотрела на происходящее, многие плакали, так как им было больно смотреть на это — парень над телом матери, как над соломенной куклой. Рядом с Оливией лежало и второе тело, принадлежавшее мужчине лет тридцати. Он погиб мгновенно от коварного меча Темного и даже не успел ничего почувствовать — глаза широко раскрыты в удивлении, шея перерублена до позвонков. У него осталось двое детей, о которых теперь было некому заботиться.

Именно так, впервые за многие годы, Чистая потеряла двух хороших людей. Этот день стал для жителей днем смерти и памяти о том, что несмотря на их отдаленность от всего мира, зло все равно рядом — Темные дошли до последней глуши, и теперь нет безопасных мест. Воздух пропитался запахом крови, плач эхом разносился по лесу, солнце скрылось за тучами...

Эпизод 4: Прощай, милый дом

14 Апреля. Полдень. Деревня Чистая...

Джон сидел за грубоструганым дубовым столом на кухне, уставившись в пустую глиняную кружку, из которой по утрам пила чай мать Оливия. Руки бессильно лежали на столешнице, пальцы нервно теребили край потертой скатерти. Он отдавался воспоминаниям и не мог поверить, что матери больше нет — позавчера она еще улыбалась, ставя перед ним эскалоп, а сегодня ее тело лежит в соседней комнате. Проигрывал в голове все самое хорошее: как она учила его натягивать тетиву лука... как делила хлеб в голодную зиму... как пела колыбельные, когда он болел. И вчерашний ужас — кровь на площади, ее тускнеющие голубые глаза.

После всего случившегося он взял на руки ее бездыханное тело — холодное, легкое, как перышко — и принес в дом, уложив в ее комнате на постель, где простыни еще хранили запах трав и сала. Там она и лежала в данный момент, укрытая белой простыней, сшитой ее же руками, ожидая похорон. Могила была вырыта собственноручно Джоном еще вчера — с

полудня до заката он копал под старой яблоней в саду, где Оливия проводила огромную часть времени: сажала цветы, сушила травы, рассказывала ему сказки. Мокрая земля липла к лопате, пот заливал глаза, но он не останавливался — это было последнее, что он мог для нее сделать. Земля в саду пахла ее любимыми ромашками и мятой.

Неожиданно его раздумья прервал стук в дверь — сначала тихий, неуверенный, потом настойчивей. Джон подумал, что ему померещилось — нервы шалили после боя и потери крови, но нет, в дверь действительно кто-то стучал. Поднявшись, он отворил скрипучую дверь, и перед ним предстал Каин — седовласый старичок в выцветшем балахоне, староста деревни, сгорбленный годами и горем. На его морщинистом лице читались печаль, грусть и сожаление — глаза покраснели, губы дрожали.

— Здравствуй, Джон, — тихо поздоровался тот, голос надломленный, как треснувший горшок.

— Привет, Каин. Какими судьбами? — спросил парень, хоть и понимал, что тот пришел высказать соболезнования или подбодрить. Голос звучал глухо, безжизненно.

— Мне очень жаль, прими мои соболезнования. Я и сам не верю в то, что произошло. Да еще именно с ней. Знаешь, я ведь ее очень хорошо знал... — произнес староста и неожиданно оборвался, будто недоговорил что-то важное, сглотнул ком в горле, а потом спросил: — Что планируешь делать дальше?

— Даже не знаю, Каин... Если подумать, то совсем недавно я мечтал покинуть это место и отправиться путешествовать... видеть города, замки, настоящий мир. Но так или иначе, прежде чем что-то решать, нужно похоронить маму, — подытожил с грустью в голосе, опустив взгляд на свои мозолистые ладони, все еще пахнущие землей из могилы.

— Это верно. Если хочешь, я могу помочь подготовить тело к похоронам — омыть, одеть в лучший наряд, заплести косу. У меня, к сожалению, есть опыт в этом — доводилось терять близких. Не думаю, что тебе стоит заниматься этим самому — тяжело для сердца.

— Да, это было бы неплохо. Спасибо за заботу, — кивнул Джон, чувствуя ком в горле.

— Тогда я схожу за всем необходимым — вода, травы, саван — и займусь этим. Как я понял, ты решил похоронить ее в саду, верно?

— Да, она очень любила там проводить время — сажала розы, шиповник, разговаривала с птицами.

— Это правильное решение, — произнес староста, одобрительно кивнув, и развернувшись, отправился домой, шаркая ногами по пыльной тропе.

Каин медленно ступал по дороге, опираясь на клюку, а по его морщинистым щекам из глаз стекали слезы. Ему было больно ничуть не меньше Джона — Оливию он знал давно, с ее прихода в Чистую, даже очень любил той тихой, безнадежной любовью, что рождается у стариков. Она была для него солнцем в глуши, а теперь свет погас.

15 Апреля. День. Деревня Чистая...

После полудня, на третий день после смерти, Оливия была похоронена в своем саду, как и пожелал Джон. Погода выдалась солнечная, но холодный ветер гнал клочья туч, словно оплакивая усопшую. На это событие пришла вся деревня — каждый пришел проститься с почившей, отдать дань уважения и пожелать ей лучшего в ином мире: женщины с платками на головах, мужики в лучших рубашках, дети с цветами. Могила под яблоней была устлана лепестками роз, полевыми ромашками, мятой — ее любимыми травами. Каин сделал все как положено: омыл тело ключевой водой, надел белый саван, заплел седую косу, положил руки на груди с вышитым крестиком.

Под конец, когда все ушли провожать второго погибшего — чью могилу выкопали у его дома — в саду остались лишь двое: Джон и староста Каин, стоявшие возле яблони у свежескопанной могилы, ставшей Оливии новым приютом. Земля была взрыхлена, надгробие — простой деревянный крест с вырезанной Джоном надписью: "Оливия Белая Луна".

— Джон, — произнес староста, положив морщинистую руку ему на плечо, — мне нужно кое-что тебе рассказать. Прости, что раньше не сделал этого — решил, что будет правильнее сначала проводить ее в последний путь. В общем, перед смертью Оливия попросила меня об одной вещи.

— Она успела что-то сказать? О чем она попросила? — удивленно спросил парень, до этого считав, что мама умерла сразу, не успев попрощаться.

— Во-первых, она просила передать, что очень сильно тебя любила. Во-вторых, рассказать тебе то, что я знаю.

Лицо парня сменилось удивлением — брови взлетели, глаза расширились. Он ждал подробностей, не понимая, чего ожидать после этих слов, сердце заколотилось.

— Как я тебе уже говорил, я знал твою маму очень хорошо. Так вот, Джон, вы не из этих мест — вы были беженцами, бежавшими во время войны с Темными из охваченных огнем земель на юге. Когда она объявилась здесь с тобой на руках — крохой, грязным, плачущим — я... влюбился в эту женщину с первого взгляда. Она была изможденной, в рванье, но в глазах — сталь и любовь к тебе. Она скрывала прошлое из-за страха, что Темные найдут след, но я помог вам обосноваться. Будучи уже тогда старостой, я выделил вам дом, который как раз пустовал — тот самый, с подгнившими венцами, чтобы вы могли жить здесь в безопасности. Ну и помог: дрова, семена, Чешуйки на еду. Со временем она мне рассказала чуть больше — какой ей пришлось пройти путь с тобой: через болота, леса, тернистые степи... Я был в шоке от пережитого ею, но по ее глазам понял — вся история чистейшая правда. Кстати, именно от нее при первой встрече я узнал, что война проиграна.

— А какая она была раньше? И откуда бежала? — спросил Джон, чувствуя, как внутри нарастает тревога, ладони вспотели.

— Откуда именно она держала свой путь — этим она не делилась, лишь упоминала, что из центральных земель. А вот насчет какой была раньше? — морщинки Каина разгладились, и он слегка улыбнулся, будто вспоминал былые дни: — Она всегда была необыкновенной женщиной. Добрая, заботливая, ставящая жизнь других превыше своей. Оливия считала своим долгом сохранить тебя — повторяла, что ты особенный, рожденный для большего. Она верила, что ты сможешь изменить этот мир, что бы это ни значило. Но у тебя есть шанс все выяснить.

— И как же я могу сам что-то выяснить? — изумленно уточнил парень, не понимая, к чему Каин ведет, сердце стучало в горле.

— И напоследок, о чем она попросила меня в свои последние мгновения — передать тебе это, — протягивая кожаный сверток завершил Каин. Ремешок был потерт временем, внутри что-то твердое.

— Что это? — изумленно произнес Джон, взяв из рук старосты таинственный сверток, пальцы дрожали.

— Это карта. Много лет назад она передала ее мне на всякий случай, боялась, что если с ней что-то случится, то нечто важное останется нераскрытым. Если хочешь узнать о ее тайне, ты должен отправиться в путь и добраться до этого места.

— Но где это находится? — Джон осторожно развернул сверток — внутри пергамент с выцветшими чернилами, реки, деревни...

— Я помогу тебе. Но ты должен быть готов покинуть дом и отправиться на поиски правды.

— Я готов, — твердо ответил Джон, ударив себя кулаком в грудь, глаза загорелись решимостью.

Хоть в данный момент у него и были некие сомнения, он чувствовал, что если мама хотела этого, то это действительно важно. Но что значила ее фраза о том, что он сможет изменить мир? В голове столько вопросов, а толковых ответов не было...

После положительного ответа парня, Каин предложил самый верный способ добраться как можно ближе к его цели. Завтра в деревню должна была прибыть торговая повозка из Красного Города — купец с тканями, солью, инструментами. Она отправится в обратный путь послезавтра, Каин пообещал договориться с возчиком, чтобы тот взял Джона с собой. А также посоветовал парню собрать все самое необходимое: деньги, запас провизии, оружие...

17 Апреля. Деревня Чистая...

Наступил следующий день. У Каина получилось договориться с торговцем насчет Джона, но за определенную плату — возчик за даром не работал. Поговорив лично, Джон сошелся на той самой шкуре кабана, которую приезжий оценил очень высоко — толстая, дубленая солью, целая, без дыр. Также, чтобы иметь деньги на путешествие, парню пришлось распродать местным большую часть запасов — засолочное мясо, инструменты, домашний инвентарь: топор, горшки, сундук. По его подсчетам, имеющихся у него с полсотни чешуек и взятых припасов, ему должно было хватить примерно на месяц путешествия. Было очень непривычно осознавать, что уже совсем скоро он покинет родные края и неизвестно, вернется ли обратно...

О том, что юноша покидает деревню, узнали все — слухи в глуши разлетаются быстрее ветра. Кто-то напутствовал легкой дороги, кто-то поделился едой — лепешками, сушеными яблоками, вяленой рыбой, кто-то просто обнял, молча хлопнув по плечу.

— Ну что, парень, значит тоже нас покидаешь? — задал риторический вопрос дядя Томас, отец Кэтрин, с седеющей бородой и крепкими руками кузнеца. — Что ж, ты нас не забывай, возвращайся обязательно. И это — если будет возможность, навести мою дочурку, передай ей привет от меня.

— Обязательно, дядя Томас. Она же недалеко от Багрового Дуба живет, в Заречной, да? — кивнул Джон.

— Все верно, Джон, — улыбнулся тот и протянул парню острый как бритва кинжал — клинок с костяной рукоятью, заточенный до зеркального блеска. — На вот, возьми, вдруг пригодится.

— Спасибо, вы тоже не пропадите, — глядя на его суровое лицо, бодро воскликнул юноша.

— Куда ж я денусь-то? И кстати, с теми солдатами мы разобрались — оттащили тела в лес, сбросили в овраг с кабаньей тропы. Будем надеяться, что на нас не подумают и решат, что их чудовища порвали, — рассказал отец Кэтрин, а затем, уходя, бросил: — Ну бывай, молодой, легкого пути!

18 Апреля. Раннее утро. Деревня Чистая...

Проснувшись рано утром — еще до петухов — Джон поспешил к дому Каина, чтобы успеть поговорить перед отправлением. Раздался стук в дверь, и изнутри послышались тихие шажки приближающегося пожилого человека — шарканье по земляному полу. Пока староста подходил, парень в последний раз осматривал свою родную деревню: покосившиеся дома с дымящими трубами, сады в росе, огороды с молодой картошкой, весь окружавший лес — знакомый до каждого дуба, и поля, где паслись мулы. Все это было таким хорошо знакомым и родным. Сердцу было тяжело принять мысль, что вот-вот это место останется позади, а впереди — только он сам и неизведанные края...

— Доброе утро, Джон, — поздоровался недавно проснувшийся Каин, протирая глаза. — Заходи, обсудим твоё путешествие.

— И тебе привет, — заходя в дом, произнес парень, погруженный в воспоминания о прошлом...

Перед глазами юноши закружили давно забытые образы, объединившиеся через мгновение в яркие картинки былых лет. Джон словно вернулся в свое детство — то беззаботное время, когда мама была значительно моложе, с румянцем на щеках, а сам он — еще совсем маленький и несмышленный, но с огромной тягой к знаниям: как она учила его буквам у очага, как вместе

ловили рыбу в озере, как пекли пироги с черникой. От этих красочных образов его оторвал голос старосты, уже сидевшего за столом с кружкой травяного отвара и ждавшего гостя.

— Джон? Джон? — пытаюсь окликнуть парня от раздумий, звал его Каин.

— А, да прости, я просто... — вернувшись в реальность, замешкался Джон и в следующее мгновение сел напротив собеседника.

— Ничего, Джон, я все понимаю. Тебе сейчас трудно — покидаешь родной дом, весь в переживаниях и раздумьях, наверно, — понимающе ответил тот, наливая гостю отвар.

— Спасибо. Это и в самом деле очень трудно — вот так взять и в одно мгновение уйти от старой жизни, — признался парень, охваченный внутренними переживаниями, голос дрогнул.

— Надеюсь, что сумею найти ответы на свои вопросы. И как хотела мама — хотя бы чуточку изменить этот мир, — усмехнулся он, сам не веря в подобное. Кстати, хотел спросить — а что между вами с ней было? Ты упоминал вскользь — влюбился в нее, но никаких подробностей.

— Я... мы... мы любили друг друга, — с горечью, но с неким облегчением признался Каин, глаза заблестели. — Скрывали это от всех — от тебя, соседей. Как я уже говорил, влюбился с первого взгляда — она была такой прекрасной, несмотря на всю грязь, собранную в той длинной дороге: изможденная, но гордая, с тобой на руках. Мы старались как можно реже попадаться на глаза людям, в том числе и тебе, с тех пор как ты стал понимать этот мир — встречались в лесу, у ручья, шепотом.

— Но почему вы скрывали это? — с удивлением поинтересовался юноша.

— Оливия не желала лишний раз появляться на глазах у других людей. Видишь ли, тогда, когда она только пришла, у жителей появилось много вопросов — какая-то незнакомка явилась в глушь с ребенком, а я позволил ей поселиться в свободном доме. Я пошел на риски лишь потому, что почувствовал в этом важность, да и не мог бросить вас на произвол судьбы — не по-человечески. То, что она беженка с центральных земель, могло означать, что за ней могли прийти по следу. Людям этого было знать ни к чему — неизвестно, что будет завтра. Она переживала, что Темные будут вас искать, а люди могли испугаться и сдать, поэтому просила оставить все между нами. Люди не доверяли ей, задавали уйму вопросов — чем она заслужила шанс на жизнь. Еще несколько лет спустя люди судачили и вели себя не очень хорошо — завидовали, косились, для них она была слишком хороша.

— Как понять "хороша"?

— Твоя мама была тогда еще молода и очень привлекательна — стройная, с длинной косой, голубыми глазами, осанкой не крестьянской. Сразу можно было сказать, что не из простого люда. Да и к тому же она практиковалась во владении мечом, словно готовилась к приходу Темных — махала во дворе клинком, отрабатывала стойки.

— Да, я помню, когда она впервые позволила мне взять в руки меч, как учила держать — ноги на ширине плеч, локоть выше... Чуть позже учила стрелять из лука, разбираться в травах, научила читать... Но если она не была крестьянкой, то кем же тогда?

— Она не рассказывала, но я практически уверен, что подобными навыками и грацией, могла обладать лишь особа знатных кровей. Возможно карта тебе откроет эту правду, — с улыбкой поведал Каин.

— Спасибо тебе, Каин. Наверно, если бы не ты, то и она, и я могли бы сгинуть много лет назад.

— Не благодари, Джон. Слушай, прежде чем ты уйдешь, я бы хотел дать тебе пару советов — ты многого не знаешь об этом мире.

— Да, я слушаю.

— Во-первых, берегись чудовищ. Эти твари выползают из нор с закатом и ими движет только жажда плоти. Во-вторых, старайся избегать лесных дорог, а если от этого никуда не деться, то будь внимательнее — на таких дорогах разбойники частое явление. В-третьих, ни

в коем случае не вставай на пути Темных — эти животные могут и за косой взгляд срубить голову, а уж за брошенное слово — и подавно, сразу на дыбу. Ну и в-четвертых, береги себя и не забывай о своем доме. Если будет возможность — приходи, тебе всегда здесь рады.

— Спасибо за наставление. Насчет возвращения — я не знаю, смогу ли, да и нужно ли мне будет это. Возможно, когда-нибудь, — с улыбкой ответил Джон, глядя в старые, добрые глаза старосты, который, как оказалось, помогал ему и его матери с самого детства. — Каин?

— Да?

— Прежде чем уйти, хотел поинтересоваться — а что стало с телами тех двух солдат? Дядя Томас сказал, что с ними разобрались.

— Да, все верно. Четверо наших мужиков сообразили — оттащили тела в лес, к оврагу с кабаньей тропой, сбросили, присыпали листвой. Будем надеяться, что их не найдут.

— А их вооружение? Вы забрали оружие и доспехи? — заинтересовался парень.

— Ох, об этом советую тебе не думать. Ты же должен понимать, что будет, если кто-то увидит у тебя что-то принадлежащее Темным. Простые люди сочтут шпионом, а Темные мигом выбьют признание — где взял, кто дал — кнутом, клещами. Потом убьют — если повезет, быстро.

— Да, ты прав, оно того не стоит. Ну, наверно мне пора, — вздохнул парень, вставая из-за стола.

— Да, возчик наверно уже заждался — повозка у околицы.

— Прощай, Каин, — выходя из дома, промолвил юноша с улыбкой на лице, глядя в потухшие глаза старосты.

— Удачи тебе, Джон, не пропадай и знай — твой дом будет тебя ждать, — одобрительно кивнул староста, провожая юношу долгим взглядом.

— Спасибо тебе за все, — поблагодарил парень и удалился прочь из дома старосты.

Ступая в свой дом как в последний раз, Джон обдумывал все происходящее. Ему не верилось, что покидает родную деревню. Да, хотелось этого — приключений, мира за лесом, но не такими жертвами — могила под яблоней, пустая изба. Отчего на душе было паршиво. Проиграв в голове вечер перед трагической гибелью матери, Джон вспомнил о загаданном желании во время падения необычной звезды. На мгновение подумалось, что возможно именно из-за того желания все так и произошло — отчего захотелось вернуться назад в тот вечер и ничего не загадывать. Но к сожалению, вернуть время назад было нельзя, а ведь так хотелось, поэтому отбросив глупости, Джон забрал из дома заранее собранные вещи — кошель с монетами, ржавый меч, вещмешок с провизией — и в последний раз простившись с Оливией, направился к ожидавшему его возчику, с которым его ждала долгая дорога в направлении Красного Города...

Глава II: "Путешествие начинается"

“Чаще всего, ожидания и реальность являются полной противоположностью друг друга.”

Эпизод 1: В долгий путь

18 Апреля. День. В дороге...

По узкой грунтовой дороге, не спеша ехала повозка, запряженная двумя повидавшими жизнь лошадьми — старыми кобылами с потрепанной гривой, чьи копыта ритмично стучали по сухой, потрескавшейся земле, поднимая легкие облачка рыжей пыли, оседающей на колесах и бородах путешественников. Погода стояла отменная: чистое лазурное небо без единого облачка раскинулось над головой, словно вымытое весенним дождем, теплое солнце ласково пригревало кожу сквозь рубаху, а восхитительный свежий ветерок нес ароматы цветущих лугов — сладкий запах клеверного меда, полевых ромашек — и далеких лесов, где смола сосен мешалась с запахом грибов и прели.

Джон лежал в повозке на мягкой соломе, подложив под голову мешок с вещами, рядом с запасенными для продажи товарами — аккуратно уложенными по деревянным ящичкам: куски вяленого мяса кабана, пропитанные солью и дымом, пушистые шкуры, дубленые травами до бархатистой мягкости, резные деревянные изделия мастеров Чистой — ложки с выжженными узорами, шкатулки с тайными замочками, даже пара искусно выточенных фигурок драконов с чешуей из кости и глазами из янтаря. Все это ехало в Красный Город на торг, а сверху лежали другие товары, закупленные возчиком ранее по пути: глиняные горшки, мотки льняной нити, сушеные грибы в мешочках.

Все свое начало пути юноша был погружен во внутренние переживания, словно в густой туман воспоминаний и сомнений. Размышлял о случившемся: неужели трагедии можно было избежать? Если бы он проснулся раньше — на полчаса, на миг — и прибежал в центр Чистой на пару мгновений пораньше, сумел ли он что-то изменить? Эти "если" жгли душу, как раскаленное железо, вгрызаясь в сердце клещами. Но еще больше его волновал вопрос: что же ждет впереди? В какие удивительные места занесет его дорога — в шумные города с высокими стенами и стражей на башнях, в таинственные леса, полные тайн и шепота духов, или в руины разрушенных войной поселений, где кости предков белеют под плющом? С какими людьми предстоит встретиться — с верными союзниками, готовыми делить хлеб и последний клык, хитрыми разбойниками с ножами в рукавах, или безжалостными слугами Темных в шипастых доспехах? И вообще, сумеет он хоть немного приблизиться к своей цели или же погибнет на полпути, а то и раньше, став добычей чудовищ или случайной стрелы из леса?

Все эти вопросы создавали в его голове огромный, не перевариваемый пласт информации, словно тяжелый камень на груди, давящий легкие. Моментами, думая о матери, в голову приходили образы из прошлого — те спокойные деньки, когда жизнь была беззаботна и радужна: совместные прогулки по росистым лугам, охота на уток у озера, зимние вечера у очага с горячим сбитнем. Он вспоминал, как они вместе собирали травы в саду — зверобой для ран, мяту от живота, — как она учила его стрелять из лука, поправляя руки с материнской нежностью, шепча: "Локоть выше, дыхание затаи", как по вечерам сидели у очага, и она рассказывала сказки о героях древности. Эти воспоминания приносили одновременно тепло и острую боль утраты, заставляя сжимать кулаки до хруста костяшек, ногти впивались в ладони, оставляя полумесяцы.

Повозка покачивалась на ухабах, скрипя осью, мир вокруг жил своей жизнью — жаворонки пели в вышине, бабочки порхали над люцерной, — а Джон, глядя в безоблачное небо, чувствовал, как внутри него зреет решимость — вперед, несмотря ни на что...

Тринадцать лет назад...

В просторной комнатухе — какой она казалась еще маленькому Джону, лет шести от роду — во всю сияло солнце, заливая все золотистым светом, пробивающимся сквозь щели в ставнях, танцую пылинками в воздухе и согревая соломенную постель с лоскутным одеялом. Наступил новый день, полный предвкушения — день рождения Джона. Мальчик не торопился встать: лежал, уютно закутавшись в одеяло, и ждал, затаив дыхание. Ждал, когда в комнату войдет мама с загадочной улыбкой, вручит долгожданный подарок и позовет на завтрак, от которого слюнки потекут еще на пороге — пирожки с капустой, молоко с медом.

Минуты тянулись, сменяясь часами, но мама не появлялась. "Может, забыла? Или готовит что-то особенное?" — подумал он, ерзая под одеялом, сердце колотилось от волнения. Наконец, устал от ожидания, Джон спрыгнул с кровати, торопливо оделся в любимую рубашку с заплатками — синюю, с вышитой лапой волка — и спустился вниз, шаркая босыми ногами по скрипучим ступенькам, держась за перила.

Спустившись, мальчик замер на пороге кухни, разинув рот от восторга. Стол ломился от еды: горки свежих пирожков с вишней, румяных от жара, оладьи, политые золотистым медом, струящимся по краям, миска творога с ягодами — клубникой и малиной, ломти хлеба с толстым слоем масла, тающего на солнце, даже сушеные яблоки в корзинке, пропитанные корицей. Это был настоящий праздник живота, самый лучший день рождения в его жизни — пахло ванилью, тестом, летом. Но единственное, что омрачало картину — мамы нигде не было видно: ни у печи, ни у окна.

— Мама!?! — настороженно крикнул он, оглядываясь по сторонам и надеясь, что она вот-вот выйдет из кладовки, обнимет его крепко-крепко и по-настоящему поздравит, прижав к фартуку.

В ответ — лишь тишина, прерываемая жужжанием мух над столом, слетающих на мед. Сердце екнуло: "Куда она делась?" Растерянный мальчишка бросился во двор — может, она в саду, копается в любимых цветах или поливает грядки с морковкой и капустой? Выбежав на крыльцо, он замер, как вкопанный, открыв рот чуть ли не до земли. Перед ним стояли трое его лучших друзей — светловолосый озорной Крис, шаловливая рыженькая Кэтрин с веснушками, застенчивый брюнет Яков — и, конечно же, любимая мама Оливия, сияющая, как солнце, в праздничном платье с вышивкой.

— С праздником! — восторженно загремели они во весь голос, так что уши у Джона даже слегка заложило, а сердце подпрыгнуло к горлу. А потом Оливия шагнула вперед, протягивая сверток, и ласковым, теплым голосом произнесла:

— С днем рождения, милый. Это тебе. Надеюсь, понравится.

Именинник бросился к ней, крепко обнял, прижавшись щекой к ее фартуку, пахнущему свежим тестом и травами, и чмокнул в щеку, чувствуя вкус муки. Затем схватил подарок — продолговатый предмет, укутанный в мягкую ткань. Пальцы дрожали от нетерпения, пока он разворачивал его, ткань соскользнула, и перед ним предстал изысканный деревянный меч прекрасной работы: рукоять вырезана в виде драконьей головы с пастью и зубами, лезвие покрыто тонкой резьбой, имитирующей настоящую сталь, с прожилками "дамаска". О таком он и мечтать не смел — это был меч героя из сказок!

— Мамуля, спасибо большое! — закричал он, сияя от счастья и размахивая сокровищем, делая выпады в воздух, слыша свист.

— Не за что, Джон. Ты для меня самое дорогое на свете, как же я могла оставить тебя без подарка? Только знаешь, что? — она хитро прищурилась, глаза искрились.

— Что? — заинтересованно спросил он, замерши.

— Детей им дубасить не вздумай хоть! — рассмеялась Оливия звонко, как колокольчик, а потом, посерьезнев, продолжила: — Если не против, я бы хотела научить тебя владеть им по-настоящему. Как тебе предложение?

— Здорово! Я что, стану настоящим воином? — глаза Джона загорелись, мечтая о подвигах.

— Ну, не сразу, но надеюсь, когда-нибудь. Главное — стремление, а остальное придет, пусть и со временем. А как научишься обращаться с мечом, потренируемся в стрельбе из лука и знании трав.

— Травы — это не интересно, уж лучше из лука стрелять! — с улыбкой объявил Джон, любуясь подарком и делая выпады.

— Как знаешь, но азам все равно научу, — подмигнула мама. — А теперь, пойдемте кушать, а то еда стынет! Дети, бегите за стол!

— Пойдемте, друзья! Там столько еды! — восторженно воскликнул Джон, бросаясь на кухню.

Дети гурьбой ввалились внутрь, и комната наполнилась смехом, звоном ложек и счастливым чавканьем. За окном солнце продолжало сиять, обещая день полный чудес, а маленький Джон уже чувствовал себя настоящим героем своей собственной сказки.

Настоящее...

— Эй, парень? — окликнул своего пассажира возчик, прервав его размышления резким голосом, пропитанным деревенским акцентом.

— Да? — не сразу отозвался Джон, моргая и поворачиваясь к мужику — коренастому, с густой темной бородой, в потертой куртке. Мысли о прошлом еще витали в голове, не желая отпускать.

— Я хотел спросить, а ты чего забыл в Красном Городе? — прищурился возчик, кивая на скромный кошель Джона. — Денег, я так понимаю, у тебя не густо, да и вооружение на тебе — сплошное сомнение: ржавый меч, да кинжал на поясе. Ты ж в курсе, что там без монет не выжить? Или попрошайничать собрался? Так там своих бедолаг — целые толпы шастают, дерутся за корку у трактиров.

— У меня на то есть причины, — коротко отрезал Джон, чувствуя легкую брезгливость от прямолинейности мужика. Внутри кольнуло: «А ведь верно, куда я без средств? Денег, взятых с собой, хватит примерно на месяц — комната, еда, — а потом они кончатся — и привет, голодная улица, вши и драки за суп». Недолго подумав, он решил выведать: — А каким способом можно заработать деньги для существования?

— Вот это правильно, что задумался! — одобрительно кивнул возчик, почесывая бороду. — Без звонкой монеты никуда: ни комнату снять в таверне, ни поесть нормально — каша с мясом, а не объедки. Тебе какой вариант больше по нраву? Быстрый, но опасный для жизни, или стабильный, да подольше?

— В каком смысле опасный? — Джон приподнял брови, не понимая подвоха.

— Для жизни, конечно, — ухмыльнулся мужик, блеснув желтым зубом. — Сам подумай.

— И что нужно делать?

— Ты у меня спрашиваешь? — удивился возчик. — Если не знал, в наших краях чудищ — тьма тьмущая. По ночам выползают, людей жрут с потрохами — кишки на ветки вешают. А люди, живущие близ городов, за их головы платят монетой и едой, если живым вернешься.

— Чудовища? — переспросил Джон, чувствуя мурашки по спине.

— Ты что, за пределы Чистой никогда не вылазил? — возчик уставился на него, выпучив глаза.

— Нет, — протянул Джон, неловко чувствуя себя от собственной неопытности.

— А, ну оно и видно! Это вам повезло — живете на дальнем отшибе и в хвост не дуете, а вот остальные зачастую с этими тварями встречаются. И как же ты собрался в этот дальний путь, в незнакомые края, ничегошеньки не зная?

— Если бы Темные не лишили меня единственного родного человека, я бы на это не пошел, — объяснил юноша, голос потяжелел. — А как они выглядят, эти чудища?

— Вот оно что! Ну ты уж прими мои соболезнования. А чудища... выглядят все по-разному, их великое множество разных мастей, но объединяет их одно — жажда человеческой плоти. Поэтому настоятельно рекомендую по ночам нигде не шариться, иначе можешь встретить одного из них, а там уж поминай как звали — рвут зубами, не жуют.

— Если это действительно так, то это довольно жутко осознавать. Я раньше считал, что Темные — угроза для людей, а все эти чудища из деревенских рассказов — лишь байки и страшилки для детей. Хоть перед тем, как отправиться в путь, мне о них и говорили.

— Ха, это еще цветочки! — хохотнул возчик. — Еще разбойников остерегайся. Эти подонки хуже чудовищ и Темных вместе взятых. За пару чешуек глотку любому перережут — женщине, ребенку, да хоть просто ради забавы. Поэтому, парень, держи ухо остро и всяким сомнительным личностям не доверяй. Угроза может подстергать в любое время суток — днем на дороге, ночью в лесу.

— Спасибо, я учту это, — насторожился Джон, чувствуя, как мир вдруг стал шире и страшнее, чем леса Чистой.

— Да не за что, — добродушно отмахнулся мужик, а потом его взгляд упал на ножны у ног пассажира: — А этот меч у тебя... Ты сражаться-то умеешь или так, для понта таскаешь?

— Да у одного местного выменял на мясо — ржавенький, туповатый, но хотя бы не с голыми руками, верно? — ухмыльнулся юноша. — Воин я из себя так себе, можно сказать никогда и не сражался вживую, только по чучелам лупил, но планирую овладеть клинком с лихвой, — с уверенностью в себе заявил он, вспоминая Темных.

— Дело хорошее. Владение оружием в наше время ценится — для самообороны, для защиты близких. Ну и заработать, как я уже сказал, можно — наемники в городах нужны.

— Буду иметь в виду твои слова, спасибо за полезный разговор.

— Да не за что. Дорога-то не близкая, надо как-то время убивать, да и мне в пути приятно с кем-нибудь поговорить, — слегка улыбнулся возчик, почесывая бороду. — А и это, насчет меча твоего... Там слева от тебя сундучок лежит, открой его и найди там точило — можешь взять, воспользоваться, если надо, могу объяснить, как правильно делать — был у меня опыт, кузнецу помогал.

— Спасибо огромное, — доставая небольшой инструмент для заточки — камень с кожаным чехлом — поблагодарил Джон, а затем решил поинтересоваться: — А долго нам ехать до следующей остановки?

— Через несколько часов будет одно поселение, я в нем обычно ночую. Там-то мы и остановимся на время, — спокойно ответил тот.

— Отлично, а то у меня уже все болит от этой езды — спина ноет, зад онемел.

— Понимаю, — усмехнулся мужик и устремив взор вперед, добавил: — Меня Урих звать, если что.

— А меня Джон.

— Ну вот и познакомились, а то едем в такую даль, а как звать друг друга и не знаем, — ухмыльнувшись, подытожил тот и затих.

Джон же ударился в размышления об услышанном от его нового знакомого и стал переваживать информацию, попутно затачивая свой старенький меч — скрежет камня о сталь успокаивал. Гадал о том, как выглядят эти таинственные создания ночи? Пускай ему было интересно увидеть вживую одно из таких созданий — проверить байки на деле, — но страх погибнуть от лап чудовища был выше, поэтому отбросив эти мысли дабы не пугать себя понапрасну, он

стал планировать дальнейшие действия. Согласно плану, парень должен был доехать с Урихом до Багрового Дуба, а от него добраться своим ходом к месту на карте...

Эпизод 2: Терпкое пойло

18 Апреля. Вечер. Поселение Широкий Холм...

К вечеру Урих и Джон наконец достигли первой остановки — небольшого поселения Широкий Холм, раскинувшегося на холмах у излучины реки. Чистая была уже далеко позади — если посчитать, то расстояние составляло примерно пятьдесят верст: сначала лесные тропы, потом холмистые луга и наконец оживленное поселение. Прибыв до заката солнца, коренастый возчик даже успел поторговать с местными: шкура кабана ушла влет, вяленое мясо забрал трактирщик за полмешка муки, а деревянные безделушки — ложки с вырезанными лицами духов, шкатулки, фигурки драконов — вызвали настоящий ажиотаж у местных бабок, которые шушукались, трогая резьбу пальцами: "Откуда такие чудеса? Из города?" Урих выторговал вдвое против цены из Чистой, выменивая на местные товары и звонкие монеты.

Как только горизонт поглотил последний солнечный луч, окрасив небо в багово-фиолетовые тона, Урих хлопнул Джона по плечу мозолистой ладонью и потащил в таверну — приземистое бревенчатое строение с тусклыми фонарями на веревках, что покачивались от сквозняка, и запахом дыма, пота, прокисшего эля и жареного сала, вырывающимся из приоткрытой двери. Внутри гудел шумный зал: длинные столы из неструганых досок, скамьи, усеянные опилками, очаг с вертелом, где жарилась тушенная в пиве свинина. Здесь можно было снять комнаты на ночь — чуланы с соломой и одеялом за одну чешуйку, — но прежде возчик хотел отметить знакомство и весьма удачную торговлю, размахивая кошельком.

— Ну что же, Джон, выпьем по кружке? — добродушно спросил Урих, усаживаясь за шаткий столик у окна с видом на темную улицу, где уже зажигались свечи в избах. Голос его был хриплым от пыли дороги.

— Ну даже не знаю... Я никогда раньше таких напитков не пробовал, — неуверенно отозвался парень, оглядывая шумный зал: пьяные возчики в кожанках, спорившие о ценах на соль; усталые путники с посохами и котомками; пара подозрительных типов в углу — тощие, с капюшонами, перешептывающиеся и косящиеся на кошельки. Дым ел глаза, в углу кто-то храпел.

— Эх, сочувствую тебе! Ты, знаешь ли, многое потерял в этой жизни, — вздохнул Урих, качая головой. — Ничего, мы это исправим, — с ехидной улыбкой выдал тот, а затем громко рывкнул мимо проходящей помощнице трактирщика: — Девушка!

— Да? — откликнулась та, обернувшись на посетителя. У нее был милый голосок, как у малиновки, румяные щеки, копна русых кос и поднос с глиняными кружками, покачивающимися в такт шагам.

— Можно нам две кружки вашего лучшего напитка? — с позитивной ноткой изрек мужичок, подмигивая ей карим глазом.

— Конечно, сейчас все будет, — мило улынулась в ответ разносчица, кокетливо покачав бедрами, сокрытыми под коротким сарафаном, и направилась к стойке, где трактирщик — толстый, с передником в руке — наливал из бочки.

— Я даже не знаю, у меня денег не густо... — забеспокоился Джон.

— Да не переживай ты! Я угощаю, — отмахнулся Урих, бросив взгляд на возвращающуюся девушку и поглаживая небольшую бороду, спутанную ветром. — Вот, славные путники, ваш заказ! — кокетливо произнесла она, ставя на стол пенные кружки с золотистым пойлом, от которого шел густой фруктовый дух — яблоки, мед, хмель.

— Спасибо, красавица. Вот, возьми, за выпивку и за твою обворожительную улыбку! — щедро сунул Урих три чешуйки, блеснувшие в свете свечи.

— Ой, спасибо, вы так добры! — вновь улыбнулась она и удалилась обслуживать других, виляя бедрами, под звон монет в кармашке.

— Ничего такая девчуля, — завороченно произнес Урих, провожая ее взглядом до стойки. — Как тебе, а?

— В целом ничего, но старая на мой взгляд, — усмехнулся Джон, разглядывая удаляющуюся фигуру — полные бедра, но лицо уже с мелкими морщинками.

— Да где она старая-то?! — от удивления выпучив карие глаза, уставился на парня возчик. — Ей лет тридцать, максимум тридцать пять! Это ж самый сок, зуб даю — ни морщинки в пикантных местах! А ты говоришь старая! — бурно отстаивал позицию Урих, но, заметив скуку в глазах Джона, сменил тему: — Джон?

— Да?

— Я вот чего спросить хотел... Все-таки, что тебя заставило в такую даль податься? В вашей Чистой тишь да гладь, леса, охота — зачем тебе весь этот геморрой — дороги, таверны, чужие лица?

— Каин тебе не говорил? — уточнил парень.

— Это ваш староста, который?

— Ну да, — кивнул Джон и сделал осторожный глоток. Напиток обжег горло терпкой сладостью с ноткой хмеля — непривычно, тепло разливается по груди, бодрит, как утренний чай Оливии, но крепче.

— Нет, а с чего бы? Просто попросил помочь одному человеку — и все, — пояснил Урих, наморщив лоб, отхлебывая эль.

— Ясно. Ну знаешь, тут все очень сложно...

— Ну так скажи в двух словах: что тебя вперед гонит? Из-за чего ты свое тихое местечко бросил?

— Ну... — немного подумав, парень честно выдал: — Есть одно место, в котором, предположительно, я смогу найти нечто важное. По крайней мере, я надеюсь...

— Вот как. И что же там такого важного? — заинтересовался возчик, отхлебнув эля, пена осела на бороде.

— Если бы я только знал. Староста мне передал, что моя мать считала меня особенным, мол, я могу изменить этот мир. Звучит глупо, правда? — искренне произнес Джон, сделав еще глоток, чувствуя, как язык развязывается.

— Подожди, ты говоришь, твою мать убили? Так у вас же там бояться-то некого, кто ее убил-то тогда? — не понимая произошедшего, заинтересованно уточнил мужичок.

— Темные, — со всей серьезностью произнес Джон, с ноткой ненависти, кулак сжался под столом.

— Ты сейчас шутишь, да? — приподняв карие глаза, уточнил он.

— Нет, это правда. Я и сам бы никогда не мог представить, что увижу Темных. Эти двое подонков, пришедших к нам в деревню, убили двоих: одного мужика и ее — единственного родного мне человека.

— Сочувствую, парень, даже не верится, что они решили и до вашей деревушки добраться. Хотел бы я, чтобы этих мерзавцев настигла кара божья, — понимающе процедил мужичок, надеясь поддержать спутника, хлопнув по плечу.

— За это не переживай, она их настигла, — выдал Джон, не подумав, эль ударил в голову.

— Это что еще значит? — удивился тот, услышав это, что даже кружка застыла у рта, а глаза расширились от удивления, в ожидании ответа.

— Я их убил, — тихо ответил парень, чтоб никто посторонний не услышал — голос едва громче шепота, глаза впились в стол.

— Ахах, ну ты даешь, я уж было чуть не поверил — так правдоподобно начал! — засмеялся Урих во весь голос, хлопнув по столу, кружки звякнули. — Шутник!

— Это да, — расслабившись, улыбнулся Джон, поняв, что Урих счел это за простую шутку. — А если подумать, то у меня действительно есть все поводы ненавидеть этих Темных. Из-за них мать умерла. А после ее похорон наш староста Каин открыл мне часть правды — о том, что она со мной на руках бежала от войны, когда я был совсем мал. Но при жизни это была одна из ее тайн — она никогда ничего не рассказывала об этом и о том, что произошло с отцом.

— Знаешь, парень, понимаю я тебя прекрасно, — голос Уриха потеплел, но в глазах мелькнула боль, как тень. — Да и думаю, во всем Белодраконье их всякий ненавидит — что всех нас и объединяет. Я ведь и сам из-за этих ублюдков жены лишился. Слава богам, дочь осталась. Уже взрослая, в Изумрудной Твердыне живет.

— Так ты из города?

— Нет, с семьей в поселении ютился — под Твердыней, в предгорьях. Торговля выручила — дочке обеспечил проживание в городе. Там хоть безопаснее, тех же чудовищ нет — стены высокие, стража.

— Не каждый, наверно, на это способен. Ей есть кем гордиться. А как ее зовут?

— Спасибо, стараюсь. А звать-то? Так Барбара.

— Красивое имя.

— Да, с женой долго мучились, сошлись на нем, — улыбнувшись, вспомнил мужичок. — Сейчас доча у меня пряхой в том городе подрабатывает, — с гордостью поделился Урих, а затем добавил: — Ее мать, пока была жива, учила этому ремеслу.

— А что именно произошло с ней, с вашей женой? — продолжал копать юноша, чувствуя, как эль разжигает любопытство.

— Ты может не знаешь, но Темные за данью шастают. Нечем платить — последствия... — Урих помрачнел, видимо, вспоминая момент гибели жены — взгляд устремился в кружку, пальцы сжали глину.

— Знаю, именно из-за этого мама и погибла, — опустил взгляд Джон.

— Тогда у нас с тобой много общего. Любого в Белодраконье эти выbleядки так или иначе коснулись, но что поделаешь? Войну проиграли — армию вырезали, род Волчьей Лапы истребили под корень.

— Я что-то слышал об этом роде краем уха. Их много было? Не только правитель? И что в них такого особенного?

— Нет, к началу войны, насколько мне известно, их около тринадцати было, кажись. Но... — заглядевшись на проходящую мимо помощницу трактирщика, неспешно пробубнил Урих: — Могли же быть и бастарды, они ведь тоже людьми были, может и гуляли на стороне иногда. А насчет того, что было в них особенного... — вернулся к собеседнику он. — Ну тут знаешь ли, кто что говорил раньше. Слыхивал я и про огромную силу, и про то, что огнем кидаться могли, в общем, баек много, и во что верить — тут каждый сам решает. Я-то сам их не видел, уж тем более в бою, но мне кажется, что они просто были очень хороши во владении оружием, да и знать все же. Для запугивания или внушения о своих мистических силах могли в уши сказок налить простым людям. Вот мое мнение.

— А ты думаешь, кто-то из них еще жив?

— Не знаю, на них говорят, вообще как зверей охотились. Я практически уверен, что Темные их всех выследили и перерезали. Все-таки знать, да еще и якобы особенная — потом бунт еще поднимут, власть вернуть захотят... Во всяком случае, я не отрицаю, что среди нас ходят их потомки, которые сами не ведают о своих корнях. Но в любом случае, это всего лишь простые люди без признания. Да и ладно признание, даже вот представь — неважно кто решит поднять восстание. Соберется народ, их этот лидер — и привет оккупантам! — допивая кружку, завершил разогнавшийся мужичок.

— Вдохновляет, — улыбнулся Джон.

— Не брось! Ты не понимаешь, к чему я?

— Видимо нет, — плохо поняв мысль Уриха, признался парень.

— Ну вот кто и кого поведет в этом восстании? Какой-нибудь калека после войны или сосунок меч не державший, а крестьяне — это чистой воды сброд. Ты пойми одну вещь: во время войны обученное войско не справилось, сейчас-то что? Нет ни армии, ни Волчьей Лапы. С божьей помощью это зло не изгонишь! Мы с каждым годом живем все хуже, соки из нас высасывают эти твари: Темные, чудовища, разбойники...

— Да, шансы малы, — согласился Джон, глядя в окно на темную улицу, где фонари отбрасывали дрожащие тени.

— Я бы сказал, что их просто нет. У нас судьба такая — гнить и страдать в этом мире, хватаясь за каждую монету и каждый счастливый момент, которые хоть как-то приносят счастья и волю к жизни... Ну да ладно, хватит лясы точить, пошли спать, парниша! Завтра ранний подъем и дорога без остановок, нужно к Горькой до заката успеть, — закончил подвыпивший возчик, положив на стол ключ от комнаты Джона — железный, с вырезанной "7" — и ушел шаркая, спотыкаясь о скамью.

Парень еще недолго посидел за столом и, допив свою кружку — терпкое пойло ударило в голову, мир поплыл, — встал, чувствуя легкое головокружение, и побрел в комнату, размышляя над словами Уриха, которые звучали убедительно: нет армии, нет надежды, только выживание. Комната — тесный чулан с соломой на полу, одеялом в клопах, щелью в стене, через которую дуло. Уснув, его всю ночь мучили кошмары: ему раз за разом снились проклятые солдаты, вновь и вновь убивавшие Оливию — меч в горло, кровь на платье — и смеявшиеся парню в лицо с огромным наслаждением, буквально издеваясь над его утратой: "Слабак! Не успел!" Из-за всего этого он проснулся не выспавшимся, с тяжелой головой. Его одолевали переживания и неугасающая боль, которая питала его гнев к Темным и желание отомстить...

Эпизод 3: Глухая деревушка

19 Апреля. Вечер. На подходе к Горькой...

Солнце не спеша опускалось за горизонт, окрашивая небо в кроваво-оранжевые тона — алые мазки на фиолетовом фоне, словно раны на теле мира. Длинные тени от повозки и лошадей тянулись по сухой траве, а воздух густел от вечерней прохлады. Молодой парень и возчик средних лет были близки к очередной ночной остановке — Горькой, что должна была появиться за холмами с ее домишками, амбаром и лающими псами. Вокруг неумолчно стрекотали кузнечики, сливаясь в монотонный гул, а пение птиц угасало с каждой минутой, уступая место вечерней тишине, нарушаемой лишь скрипом колес и храпом лошадей. Совсем скоро на небе должны были проступить первые, едва видимые звездочки, мигающие, как далекие костры. Но несмотря на обыденность происходящего, Джону было не по себе — в груди шевелилась тревога, словно предчувствие беды витало в воздухе, холодным дыханием касаясь затылка.

— Не устал от дороги, а, Джон? — поинтересовался Урих, встряхивая вожжи. Он был в предвкушении остановки, где мог бы наконец отдохнуть и наконец выспаться на нормальной постели. Хоть таверн обычно в деревнях не бывало, таких как он некоторые впускали в свой дом на ночь за пару монет.

— К чему вопрос?

— Просто интересно. Ты ведь раньше не путешествовал, не доводилось тебе трястись в повозке целыми днями. Вот и спрашиваю — спина ноет, кости гудят?

— Непривычно, что уж скрывать. Спина ноет, задницу всю отшибло. Даже сено не спасает — комковатое, колет бока, — признался уставший от дороги парень, потирая поясницу и ерзая на соломе.

— Ха-ха, да, понимаю! — расхохотался Урих, хлопнув себя по колену. — Я ведь раньше, когда только начинал, тоже этот жуткий дискомфорт испытывал — мозоли навалом, пыль в зубах. Но знаешь, человек привыкает ко всему, — изрек простую истину возчик, а затем вдруг уставился вперед и замолк, словно воды в рот набрал, вожжи обмякли в руках.

— Это верно. А когда до ближайшей деревни доберемся? А то скоро стемнеет... Урих? Все в порядке? — заметив странное поведение мужика, уточнил Джон, насторожившись — борода возчика застыла, глаза расширились.

— Походу, не будет у нас остановки, — жутким, пугающим голосом произнес мужичок. В его глазах мелькнул настоящий ужас, пальцы побелели на вожжах.

— То есть? — выдохнул парень и, поняв, что струсилось нечто нехорошее, вскочил, чтобы посмотреть, на что уставился тот. Сердце ухнуло в пятки.

Увиденное потрясло Джона до глубины души. Впереди догорала небольшая деревенька — десяток-другой домов, превращенных в черные обугленные руины, от которых поднимался едкий дым, пахнувший паленым мясом и волосами. Никаких звуков не доносилось: ни криков ужаса, ни плача сирот, ни лая собак — лишь гробовая тишина окружала это мертвое место, нарушаемая потрескиванием угасающих углей в очагах и шорохом пепла на ветру. О том, что произошло здесь, можно было только догадываться, но картина говорила сама за себя: крыши провалились, стены осыпались, в воздухе висел запах смерти — сладковато-гнилостный, от которого скручивало желудок.

— Как это возможно? Почему вся деревня сгорела? — задал вопрос парень, надеясь, что возчик что-нибудь знает, голос дрогнул.

— Я не могу знать точно, Джон, — с ноткой ужаса ответил Урих, не отрывая глаз от руин. — Но... у меня есть лишь одна догадка, кто такое мог сотворить, — глядя на уничтоженную огнем деревню, изрек он, сглотнув.

— И кто же? — глядя на мрачное, заросшее бородой лицо, уточнил юноша.

— Темные, — коротко процедил возчик, подтвердив худшие подозрения своего спутника. Слово повисло, как приговор.

— Они что, и на такое способны? Вот так просто взять и сжечь всю деревню? — пораженно выдохнул парень, чувствуя, как холодок пробегает по спине, мурашки встали дыбом.

Джон с ужасом осознал: его опрометчивый поступок — убийство двух Темных в Чистой — мог привести к точно такому же исходу. Его даже передернуло от мысли, что если кто-то пронюхает о случившемся, бездушные солдаты и рыцари Темного Воина нагрянут в родную деревню и сделают то же самое с его домом, с людьми, которых он знал всю жизнь. А ведь он чуть было не проболтался в трактире об этом за элем. Парня лишь немного успокаивало то, что Урих ему не поверил, свидетелей произошедшего не осталось, а жители Чистой само собой будут молчать, зная, чем грозит подобное преступление: новая резня, дань кровью. От мимолетных дурных мыслей Джона отвлек голос Уриха, пытающегося объяснить сложившуюся ситуацию:

— Вот нарисуй в голове картину: приезжают Темные — рогатые шлемы, шипастая броня — требуют дань — деньги, еду, шкуры, все что угодно. Но у тебя ничего нет, абсолютно пустые руки. Эти гады, конечно, заберут людей — в приоритете симпатичные молодые девки, если такие имеются, на потеху в лагерях, или же проще прикончат нескольких людей в наказание — мечом по шее — и уедут по-хорошему. Но представь на секунду: вся деревня, вместо того чтобы сдаться и принять наказание, поднимает бунт, хватает вилы, топоры и бросает вызов узурпаторам. Как думаешь, что их ждет?

— Смерть? — помрачнев, ответил Джон на этот легкий вопрос, окончательно осознав, что Темные жалости не знают вовсе, глаза потемнели.

— Причем жуткая и мучительная, — добавил Урих, остановив лошадей — они заржали, почуяв дым. — Пойдем посмотрим, вдруг кто чудом выжил. Хотя... это большая редкость — выживших после такого не бывает, только пепел да вороны.

Они слезли с повозки — сапоги хрустнули по золам — и осторожно направились в уничтоженную деревню, от которой почти ничего не осталось. Огонь поглотил все без разбора: дома превратились в дымящиеся кучи золы, пристройки обрушились в груды балок, урожай на огородах почернел и сгорел — морковь, капуста превратились в уголь, даже яблони, посаженные поодаль, стояли голыми скелетами с обугленными ветвями, листья осыпались черным снегом. Путники заходили глубже, и с каждым шагом ужасались все сильнее. Вокруг валялись обгоревшие трупы — мужчин с изрубленными руками, отсеченными у локтя; женщин, прижатых к земле лицом вниз, спины изрешечены; даже крошечных детей, свернувшихся в комочки. Кто-то был расчленен, словно мясо на разделке — кишки в пыли; кого-то просто зарезали — горло от уха до уха; одного мужчину и вовсе распяли — его черное, обугленное тело прибили гвоздями к чудом уцелевшей стене дома, руки в кровавых дырах, рот открыт в безмолвном крике. Скорее всего, это была прилюдная казнь, после которой люди и взбунтовались. Или же последний выживший, которого ждала самая мучительная смерть. Обойдя всю деревню, Джон и Урих убедились: Темные не пощадили никого. Бездушные воины вырезали всех до единого, а затем подожгли — ни капли не церемонясь, факелы в солому, и ушли.

— Они даже не похоронили их, — с ужасом выдохнул Джон, глядя на обугленные, черные как ночь тела, воняющие паленым мясом, мухи уже кружили.

— Ты серьезно? — с удивлением произнес Урих. — Ты, может, не в курсе, но они нас за людей не считают. Мы для них — просто скот, который их кормит. А бесполезный скот, как известно, забивают — топором по черепу.

— Может, мы похороним их? Ну, как подобает... — остановившись, предложил парень, глядя на заросшую физиономию возчика, освещаемую последними лучами заходящего солнца, голос полон отчаяния.

Услышав предложение, Урих замер и задумался, окинув взглядом руины — пепел, кости, дым, — а затем бросив взгляд на темнеющий горизонт, где уже проступали звезды. Он стоял и думал, как поступить. У мужчины было сострадание и человечность, в отличие от Темных, и он разделял желание Джона сделать все как надо — могилы, камень, молитва, — но также осознавал, что порой за правильные поступки приходится платить жизнью: ночь, трупы, падальщики. Юноша стоял рядом, терпеливо ожидая решения возчика, кулаки сжаты. Лишь спустя минуту, взвесив все "за" и "против" и представив, что их ждет впереди, — Урих прервал тишину:

— Увы, Джон, — с некой тоской в глазах заговорил тот, — но у нас нет на это времени. Совсем скоро стемнеет, и ночные твари повылезают из берлог. Надо ноги уносить, пока целы, — заключил Урих и направился к повозке, шаркая по золе. Сделав несколько шагов, он обернулся к все еще стоящему Джону: — Да, и если не знал: на такое скопление трупов скоро все местные падальщики сбегутся. Эти твари мертвечину обожают. Совет: лучше с ними не встречаться — рвут на части живьем.

— Я понял. Пойдем, — с горечью признал парень, последовав за мужичком, ноги налились свинцом.

Уходя из этой мертвой деревни, где совсем недавно бурлила жизнь — смех детей на площади, мычание скотины в хлевах, запах свежего хлеба, — Джон неуверенно озирался по сторонам в надежде заметить хоть кого-то выжившего: женщина в кустах, ребенок в погребке. Но теперь здесь обитали лишь мертвецы, которых он не мог даже предать земле — могилы копать до рассвета. И совсем скоро они должны были стать ужином для голодных чудовищ.

Повозка тронулась, оставляя за спиной адский пейзаж — дым, кости, тишина, — а в душе Джона поселилась новая тень — страх за Чистую и ненависть к Темным, горевшая все ярче, как угли в той деревне. Парень стойко ощущал: с каждым прожитым днем за пределами

его родной деревни он все больше разочаровывается в укладе этой жизни. Совсем недавно он и представить не мог, что где-то может твориться такое — что мы, простые люди, для кого-то не более чем животные, с которыми можно вытворять все, что душе угодно: резня, огонь, позор. Что существует некая сила, захватившая все Белодраконье — сила, не ведающая ничего человеческого...

Джон осознал: уже никогда он не вернется прежним, если вообще вернется из этого путешествия — Чистая в памяти теперь как мираж. Но несмотря на все подобные мысли, проносящиеся в сознании вихрем, он верил в лучшее — что у него все получится, что не может же весь мир быть таким ужасным и беспросветным. Впрочем, он еще даже не подозревал, что совсем скоро его ждет встреча с одним из ужасов этих земель, которая вновь перевернет его жизнь с ног на голову...

Эпизод 4: Ночное происшествие

19 Апреля. Ближе к полуночи. Где-то на дороге...

Полная луна заливала ночное небо серебристым, мертвенно-бледным светом, превращая траву в призрачный луг. Вокруг мерцали тысячи ярких звезд, словно насмешливые глаза богов, равнодушно взирающих на человеческие страдания. Джон лежал в повозке на куче сена, погруженный в глубокий, тяжелый сон, несмотря на то, что телега то и дело подпрыгивала на колдобинах, раскачиваясь, как пьяный корабль в шторм. Скрип колес, стук копыт, посапывание уставших лошадей — все это сливалось в монотонный гул, убаюкивающий сильнее колыбельной. Вокруг звенел неумолчный стрекот кузнечиков, а воздух наполнялся танцем светящихся жучков — крошечных зеленых огоньков, сбивающихся в рои, будто предвестники беды, парящие над дорогой, как блуждающие души.

Бородатый возчик Урих вперил вперед свой утомленный, покрасневший от долгой езды взгляд, то и дело кивая головой, словно поплавок, покачивающимся на волнах дремоты, с каждым разом все чаще и чаще. Глаза его начинали медленно закрываться, веки наливались свинцом, а разумом овладевал манящий сон, от которого не спасала даже ночная прохлада, ползущая по коже ледяными пальцами. Он зевал с каждым разом все чаще, попутно заглатывая маленькую мошкару, роящуюся перед лицом — слепых насекомых, жаждущих света, липнущих к бороде и рукам. Все это длилось ровно до тех пор, пока незадачливый мужичок окончательно не провалился в сладкую бездну, голова свесилась на грудь, вожжи выпали из рук. Лошади, привыкшие к маршруту, продолжали тащить повозку вперед по ухабистой дороге, меж черных силуэтов сосен.

К счастью, уже очень давно на этом участке пути ничего плохого не происходило — ни разбойников, ни волков, ни чудищ, — но кто бы мог подумать, что обычно совершенно безопасная дорога, как могло показаться на первый взгляд, приведет в эту ночь к беде...

Сквозь тяжелый сон Джона пробивались крики — хриплые, жалобные вопли, эхом отдающиеся в подсознании, как далекий набат, но не могли прервать его крепкий сон. Ему снился очередной кошмар: горящая Чистая, обугленные тела друзей детства — Крис с Яковым в пламени, Кэтрин с перерубленной шеей, — Оливия, зовущая его из пламени протянутой рукой: "Джон... не успел..." Пламя лизало ее платье, глаза тускнели. Но сон цепко держал юношу, пока наконец не отпустил на последнем истошном, надрывном вопле Уриха — полном невыносимой боли и животного ужаса: "Аааааа!" Джон резко распахнул глаза, пробудившись от кошмара, его сердце колотилось, как барабан, грудь вздымалась, пот заливал виски, но он еще не знал, что, освободившись от одного кошмара, ему было уготовано попасть в другой — наяву, похуже снов.

Придя в себя, парень с ужасом понял: повозка стоит мертвым грузом. Паника сдавила грудь стальным обручем, от осознания, что произошло нечто невообразимое. От понимания,

что это был не сон и в то время, пока он крепко спал, лежа в повозке, с бедным возчиком происходило нечто страшное, парню становилось еще больше не по себе — руки похолодели, дыхание сбилось. Но... собрав остатки духа в кулак, Джон спрыгнул на землю, сапоги глухо стукнули по глине. Ноги юноши подкосились от холода ночного ветра, пробирающего до костей, руки дрожали, а пальцы онемели. Не сразу, но он заставил себя шагнуть вперед, дабы выяснить, что к чему.

Сделав пару шагов от повозки, Джон узрел кошмар наяву. Впереди лежала изуродованная лошадь — ее тело разорвано в клочья, как рвань, внутренности вывалены на дорогу — кишки, печень, легкие дымятся в ночной прохладе, лужа свежей крови черным пятном растекалась под луной, притягивая рой мух, жужжащих над теплом. Хорошенько прислушавшись, он сумел расслышать жуткие звуки, от которых волосы встали дыбом. Сквозь стрекот насекомых пробивался влажный, чавкающий хруст — звук разрываемой плоти, хлюпанье зубов в мясе, бульканье крови.

Мурашки охватили кожу, живот скрутило от тошноты. Джон выхватил из ножен свой ржавый, но верный меч — недавно заточенный клинок тускло блеснул в лунном свете, отражая зеленоватый отсвет жучков. Обходя повозку, он крался, сердце стучало в висках, дыхание вырывалось паром. Впереди мелькнули ноги Уриха — они дергались в конвульсиях, как у умирающей рыбы, сапоги стучали по земле.

Страх еще больше охватил парня, ему стало безумно страшно, все внутри него будто кричало: "Беги отсюда!" Но он продолжал медленно идти и, сделав еще несколько шагов к лежащему мужчине, увидел потрясшую его сознание картину.

— Нет, нет, только не это... — побледнев, не открывая рта, проскочило в разуме Джона, мир поплыл.

Лишь сейчас, подойдя достаточно близко, юноша узрел настоящий ад. Урих корчился, лежа на земле, хрипя еле слышно: «Боги... милосердия...» Его живот был вспорот, как тухлая дыня, кишки вывалились розово-серыми петлями, паря в холоде. Над ним склонились двое костлявых уродцев — гуманоидов с мертвецкой, серой кожей, натянутой на кости, как пергамент на барабан. Глаза их горели пустым, серебристым блеском — без белков, без зрачков, чистая бездна голода, слепая и неутолимая. Длинные пальцы с черными когтями, длиной в кинжал, копошились в брюшине Уриха, выдирая куски мяса и кишок — печень, сердце, с хрустом. Твари жрали с хлюпаньем, чавкая, из их омерзительных ртов стекала пропитанная гнилью слюна, капающая на лицо умирающего. На этих созданных явно не богом существах не было ни лохмотьев, ни половых признаков — просто бесполое демоны ночи, кожа в язвах, рты в крови мучительно умирающего мужчины, ставшего Джону хорошим товарищем, а зубы — как у акулы: ряды острых, круглых клыков, заточенных на мясо, с обрывками плоти в щелях.

Парень сделал еще шаг и нечаянно наступил на маленькую веточку. Треск разнесся, как гром в ночной тишине. Чудища дернулись, пустые глаза уставились на него — новую, теплую добычу. Они вскочили, разевая пасти шире черепа, и испустили вопль — ультразвук ада, воняющий трупным смрадом. Запах ударил в ноздри: гниль, кровь, экскременты — луна осветила оскаленные клыки. Джон зажал уши, но звук пробил мозг, да так, что ноги подкосились, колени ударились о землю. А жуткие создания, оставив обезображенного мужчину, двинулись за более интересной добычей...

— Что вы за твари такие? — дрожа от страха, прорычал Джон, медленно отступая назад. — Упыри!!! Падальщики!!!

— Уааааааааа!!! — широко разевая рты, протяжно взревели чудища, оглушая воплем свою жертву, слюна полетела брызгами.

Парень заткнул уши, страх сковал его, но ярость вспыхнула: «За Уриха! За Чистую!» И как только вопли прекратились, он крепко сжав рукоять меча, сделал выпад и нанес удар. Лезвие клинка свистнуло и в следующее мгновение отсекло худую, костлявую мерзкую руку

по самый локоть. Отрубленная конечность шлепнулась в грязь, но длинные когтистые пальцы еще дергались, подавая признаки жизни, царапая землю. Упырь рухнул вслед, но не завыл от боли — он с неистовой жадностью схватил свою конечность и впился в нее зубами, пожирая с огромным удовольствием, хрустя и чавкая. Кости ломались, как сухие ветки, а и без того страшная морда обогрилась его же темной кровью. Желудок Джона взбунтовался — кислая желчь подкатила к горлу от увиденного омерзительного зрелища, ноги подкосились.

В это самое время второе чудище приближалось к юноше. Неожиданно тварь совершила рывок, хоть Джон и отскочил назад, ночному упырю все же удалось задеть парня своими острыми когтями, разорвав рубаху и кожу на его плече. Кровь хлынула теплой струей, обогряя одежду, боль обожгла, как раскаленное железо. Боль на мгновение ослепила парня, но вместе с тем его страх перед неведомыми ранее существами ушел прочь. И гневно зарывчав: «Страх — это смерть!», он замахнулся, и меч, пройдя дугой, отсек уродливую голову чудища. Лысый череп отлетел, кувыркаясь к окраине дороги, ударился о камень, а мерзкое тело рухнуло, заливая землю хлынувшей из шеи черной жижей, пузырящейся на холоде.

Оставшийся упырь, уже успевший целиком сожрать свою руку, встал и вновь двинулся за своей добычей, желая отведать молодой, свежей плоти. Каково было удивление незадачливого юноши, незнакомого с данным видом, когда он заметил, что у чудища по какой-то необъяснимой причине на месте недавно отрубленной конечности выросла новая — костлявая, когтистая, уже шевелящаяся.

— Это же просто невозможно, — не веря своим глазам, с ужасом в голосе промолвил он, попятившись.

Джон было шагнул навстречу и замахнулся для финального удара, но ногу сдавило стальное кольцо. Посмотрев вниз, он увидел, как мертвые пальцы впились в его кожаный ботинок, приводимые в действие еще подающим признаки жизни обезглавленным телом монстра. Парень дернулся и хотел было отсечь подлую руку, как вдруг получил хлесткий удар от стоящего впереди чудища. Его острые когти вспороли грудь сквозь плотный кожаный жилет и рубаху, оставляя огненные борозды — четыре глубокие раны от ключицы до живота. Кровь пропитала ткань, боль пронзила легкие, дыхание сбилось.

Юноша рухнул на землю, а в следующую секунду оказался в самой настоящей западне. Медленно шедший упырь навалился сверху — вонючий, тяжелый, как могила, весом в полцентнера гнили. Пустые глаза в сантиметрах от лица, пасть разинута — клыки в крови Уриха, слюна капает на щеку, воняя гнилью и серой. Тварь рванулась к горлу, чавкая в предвкушении, горячее дыхание обожгло кожу. Джон уперся руками в грудь упыря — скользкую, холодную кожу, покрытую язвами, — сдерживая натиск. Клыки клацнули в миллиметре от сонной артерии, слюна брызнула в глаза, жгучая, как кислота, разъедающая кожу. «Не дам... Не стану жратвой!»

С рыком Джон сбросил с себя этого полуночного хищника — коленом в брюхо, тварь хрипнула, — и ловко встав на ноги, мечом в висок. Клинок вошел с хрустом, пробив его череп, впоследствии высвобождая потоки черной жижи, хлынувшей на волю, забрызгав сапоги. Худощавое бледное тело обмякло, а после недолго дергаясь в агонии, затихло окончательно. Парень отошел, хватая воздух, грудь горела, кровь текла ручьем по животу, пропитывая пояс. «Жив... Пока жив...» Переведя взгляд на тело второго монстра, он понял, что рука схватила его в предсмертных конвульсиях, не более — пальцы разжались.

На всякий случай юноша изрубил оба тела на куски — мясо, кости, кишки разлетелись по траве, лунный свет блестел на черной крови. Затем подошел к трагически погибшему Уриху: бедняга затих навек, над распоротым, как консервная банка, брюхом уже роились мухи, жужжа над теплом.

— Прости, что ничего не смог сделать, — сглотнув, процедил Джон, закрывая еще открытые глаза мужчины, в которых отпечатался непередаваемый ужас.

Осмотрев повозку и найдя в ней лопату — старую, с кривым черенком, — он начал копать яму возле дороги, рядом с небольшим деревцем — молодой березкой, шелестящей листвой. Спустя небольшой промежуток времени будущее пристанище было готово. Да, пускай могила получилась и не очень глубокая, как подобает, но все же хоть какая-то, лучше, чем падальщикам на ужин.

Уложив несчастный труп мужчины в яму, парень приступил закапывать изуродованное тело Уриха, ставшего ему за эти пару дней хорошим товарищем. Проводив возчика в последний, Джону ничего больше не оставалось, как продолжить свой путь пешком: одна из лошадей скрылась в неизвестном направлении, ускакала в лес от воплей, а вторая осталась лежать на съедение ночным тварям.

Молодой путник забрал из повозки заснувшего вечным сном возчика кошель и часть еды: вяленое мясо, лепешки, флягу воды. Нашел куски ткани — из ящика с товаром — и перевязав свои раны, побрел по ночной дороге пешком, озаряемый лишь зловещей луной. Его свежие раны ныли, кровь сочилась сквозь повязки, плечо и грудь пылали, каждый шаг отдавался болью, но ненависть к этому миру была сильнее боли — Темные, чудища, смерть.

— Прощай, Урих. Спасибо за все... — с грустью промолвил Джон, уходя прочь и растворяясь во тьме, шаги эхом отдавались в тишине, а луна следила за ним, как свидетель.

Глава III: "Лесная тварь"

“Все в жизни бывает в первый раз.”

Эпизод 1: Путеводная свеча

20 Апреля. Глубоко за полночь. Где-то на лесной дороге...

Юноша шагал сквозь непроглядную тьму, озаряемую лишь изредка выходящей из-за равных туч луной — бледным, холодным светом, что отбрасывал длинные, зловещие тени от стволов древних елей, тянущихся к небу, как когтистые лапы. Густой запах сырой земли, хвои и разложения витал в воздухе, смешиваясь с металлическим привкусом собственной крови на губах Джона — раны на плече и груди сочились, пропитывая повязки липкой теплотой. Он пережевывал в уме жуткие события: пожирающих Уриха упырей, их отрастающие с удивительной скоростью конечности, хлюпающие звуки разрываемой плоти. Перед глазами до сих пор плясали жуткие образы — серые морды с пустыми глазами, от которых мурашки бежали по спине, а их пронзительные вопли до сих пор эхом отдавались в ушах, заставляя то и дело оборачиваться, хватаясь за рукоять меча. И не зря, ведь впереди его поджидало новое испытание — еще более первобытное и яростное, чем встреченные ранее твари.

Пройдя версты две, его ноги уже ныли от усталости, а кровь из ран перестала течь. Неожиданно из лесной чащи, с хрустом ломающихся сучьев, прямо на грунтовую дорогу выбрело нечто омерзительное, нелепо напоминающее человека, если игнорировать голову. Глаза Джона расширились в ужасе, уставившись на силуэт в двадцати шагах: мускулистая фигура, покрытая спутанной серой шерстью, сгорбленная, с мощной, выдвинутой вперед челюстью, из которой капала густая слюна, блестящая в лунном свете. Руки — скорее лапы — заканчивались кривыми когтями длиной в палец, царапающими землю и оставляя за собой борозды. Руки парня судорожно задрожали, пальцы вцепились в рукоять ржавого меча, вынимая его без шума, медленно, чтобы не спровоцировать. Сердце колотилось, как барабан в груди, пот стекал по вискам, мешаясь с грязью и кровью, а дыхание вырывалось паром изо рта.

Ночное создание застыло посреди дороги, словно страж, ожидающий жертвы, — его тяжелое дыхание, хриплое и прерывистое, разносилось эхом, давя на психику Джона тяжелым прессом. Морда была сокрыта тенью, но силуэт выдавал: это что-то иное, первобытное, с мощной, выдвинутой пастью как у зверя. Сомнения терзали: напасть первым или затаиться? Уйдет ли оно или учует запах крови из ран? Но ожидание лопнуло, как гнилой плод: зверь резко повернул голову, и сердце Джона сжалось в ледяной кулак. Пылающие фиолетовые глаза — звериные, с вертикальными щелями зрачков — впились в него, изучая и прощупывая страх. Десять томительных секунд — слюна капала на землю с шипением, шерсть вставала дыбом, — и тварь напала.

Зверь взревел, издав низкий утробный рык, от которого задрожали листья на елях. Приготовив блестящие, как обсидиан, когти, он рванул вперед с нечеловеческой скоростью, что даже земля задрожала под его лапами. Густая слюна летела брызгами, воняя гнилью и кровью, а в разинутой пасти виднелись обнаженные ряды желтых острых клыков, длинных, как кинжалы. Джон успел лишь замахнуться мечом, но монстр так шустро налетел с разбегу, что сбил парня с ног. Обе сущности в мгновении ока оказались на земле, и Джон был явно в проигрышной ситуации: когти уже впивались в его плечи, медленно проникая глубже, к суставам, разрывая мышцы с хрустом. Теплая кровь добычи закапала на землю, а тварь зарычала от удовольствия, почуя кровь, страх, соленый пот и дрожь жертвы. Пир казался неизбежным: горячее дыхание

обожгло щеку, клыки клацнули у горла, слюна стекла по шее. Но у этой твари было слабое место — плоть под ребрами, незащищенная шерстью.

Зверь оглушительно взревел после подлого удара в левый бок, полученного ничем иным, как острым кинжалом Томаса, вошедшим по самую рукоять. Черная кровь брызнула из открывшейся раны, пропитывая землю едким запахом. Хватка ослабла, и уловив этот единственный шанс, Джон столкнул тварь с себя, резво поднимаясь на ноги и игнорируя агонию в плечах — боль пульсировала, как раскаленные иглы. Чудище рухнуло, корчась от боли и закрывая лапами порез, но длилось это недолго. Через несколько мгновений оно ловко вскочило на лапы и яростно зарычав, вновь бросилось на парня. Но на этот раз, Джон успел схватить меч обеими руками, и твердо уперевшись в землю, встретить жуткого зверя.

Серые глаза Джона горели ненавистью, кровь сочилась из плеч, окрашивая землю под ним в багрово-коричневую жижу. Но в этот самый момент парень будто бы не чувствовал боли, все его внимание было сконцентрировано на жуткой неистовой твари, и сейчас он ждал от нее шага. Через мгновение, чудище уже летело на путника, который ловко выставил клинок своего меча, насаживая на лезвие покрытую шерстью тушу. Его острие пронзило грудь и пробив ребра с хрустом, вырвалось из спины с фонтаном темной крови. Черное пульсирующее сердце ночного демона лопнуло на кончике клинка. Монстр, словно не понимая, что произошло, дернулся в конвульсиях и через мгновение затих, сползая с клинка наземь. Напоследок, когти чудовища успели царапнуть бока Джона, оставив незначительные борозды на кожаном жилете.

Спустя несколько утомительных часов ходьбы...

Шагая по ночной дороге, окутанной непроглядной тьмой, израненный Джон заметил нечто необычное. Сквозь густой мрак, по левую сторону от дороги, виднелся какой-то тусклый огонек, будто бы зовущий путника к себе — дрожащий, желтый, как маяк в буре. Пройдя еще немного вперед, парень обнаружил развилку и ведущую от нее тропинку, практически незаметную невооруженным глазом. Парень решил, что стоит подойти поближе и выяснить природу этого огня. Как оказалось, он не прогадал...

В трехстах метрах от дороги стояла едва различимая в ночи деревня, окруженная высоким еловым лесом. Для парня, вымотанного ночной дорогой, это был прекрасный шанс. Поэтому он решил зайти в эту деревню, в надежде, что его кто-нибудь да впустит переночевать. Путник брел по тропинке на тот самый тусклый огонек. За метров сто до цели он понял, что свет исходит из окна одного из деревенских домов — единственный в спящей деревне, как путеводная звезда.

Через пару мгновений, Джон уже ступал по самой деревеньке. Он шагал по улице в направлении дома, который возможно спас ему жизнь. Тусклым огоньком оказалась горящая в окне свеча — единственная на всю деревню в столь поздний час. Приблизившись к дому, парень постучался в дверь — кулак глухо ударил по дубу. В доме раздался топот чьих-то ног, и через момент дверь отворилась с скрипом.

— Здравствуйте, — выдохнув, вежливо поздоровался Джон, еле стоя на ногах — колени дрожали, кровь стекала по рукаву.

Перед ним предстал здоровый мужик с мясистой рожей, короткой стрижкой и густой бородой рыжеватого оттенка, недовольно глядевший на незнакомца карими глазами, налитыми подозрением.

— Ну здорова. Чего среди ночи надо, а путник? — спросил грубоватым голосом хозяин дома, желая услышать внятный ответ, рука на косяке, как баррикада.

— Я ищу ночлег, чтобы переждать до рассвета, — ответил Джон, глядя в глаза собеседника, голос твердый, несмотря на слабость.

— Ты хоть понимаешь, что сейчас глубоко за полночь? А до ближайшего поселения шесть часов пешком, в лучшем случае пять, — разъяснил мужик и, почесав свою густую

бороду, заинтересованно спросил: — Так какого хрена ты здесь делаешь? Ночные прогулки любишь? Ты лунатик или самоубийца?

— Нет, — выдавил Джон, понимая, что ситуация странная. Парень уже не надеялся, что мужчина поможет ему, но все же решил рассказать о приключившемся с ним пару часов назад. — Я держал путь в сторону города, ехав на повозке, владелец которой согласился меня подбросить. Мы должны были остановиться в Горькой на ночлег, но она оказалась сожжена Темными. Из-за чего мы были вынуждены продолжить путь. Несколько часов назад на нас напали какие-то похожие на людей чудища, с жуткими когтями и серыми пустыми глазами, способные отращивать конечности, лошадь и возчика сожрали, а потом, спустя пару километров, я еще на какую-то тварь набрел — шерстяную, с фиолетовыми глазами.

— Во дела-то, — угрюмо буркнул хозяин дома, удивленно приподняв брови, а после с позитивной ноты продолжил: — Повезло тебе, парень, что жив остался! Ну ты и везучий, конечно! — выйдя на улицу, воскликнул он и хлопнул Джона по плечу. — Заходи, выпись, отдохни, — добродушно заключил хозяин дома, а затем, заметив кровоточащие раны, добавил: — И раны свои обработай, а то вдруг заражение начнется.

— Спасибо огромное, — улыбнувшись, поблагодарил Джон, заходя внутрь. — Я думал, что вы меня не впустите.

— Не за что, парень, должно же быть в мире хоть немного добра. Добро пожаловать в Окольную. Да, насчет тех серых тварей — так их Визгунами кличут, — поведал хозяин дома, захлопнув за собой и своим гостем дверь, после чего провел парня в маленькую комнатку, являющуюся кладовой. — Можешь прилечь здесь, только не шуми, у меня дочь с женой спят, — вполголоса процедил мужик, после чего нахмурил свои густые брови и, почесывая кулак, предупредил: — Не дай бог разбудишь или чего недоброго сделаешь... я тебя убью. Понял?

— Угу, — обеспокоенный услышанным, кивнул парень, глядя на мужчину, попутно снимая со спины вещмешок и ножны.

— Да ладно, расслабься. Шучу я, — улыбнулся хозяин и пошел к столу, на котором горела та самая свеча, что Джон видел с улицы. Немного погодя тот вернулся к гостю и, подав ковш чистой воды, немного спиртного и тряпки, коротко сказал: — Держи, и это — меня Генрих звать.

— А меня Джон. Спасибо вам большое, — удивленный добротой, ответил парень, приняв помощь хозяина.

Мужик вновь удалился, а Джон принялся обрабатывать свои раны, полученные от лап чудовища — спирт жалил, как огонь, вода смывала кровь. Залатав себя, полуночный путник прилег головой на мешок с зерном, укутав себя разнообразными огрызками ткани. Немного поворочавшись, несмотря на неудобство, парень уснул крепким сном...

На утро...

Джон проснулся рано утром от звонкого детского голоса, пробивающегося сквозь тонкую стену из нестроганных досок. Солнечные лучики пробивались сквозь щели ставен, золотя пылинки в воздухе, пахнущем свежим хлебом и дымом очага. Там, за перегородкой, отец и дочка вели милый диалог — малышка явно была ранней пташкой. Она забавно лепетала, не выговаривая некоторые буквы, а нежный детский голосок журчал, как тихонький ручеек по камушкам.

— Папа, а что там за тятенька в комнате спит? — пропищала девочка, шаркая ножками.

— Ночью пришел, переночевать просился, — добродушно отозвался отец, голос грубый, но теплый, как у медведя с детенышем.

— А как его зовут? — поинтересовалась она.

— Звать его Джон, — ответил Генрих на вопрос любопытной дочки. — Ты мне лучше скажи, доча. Ты завтракать будешь?

— Тя!

— Кашу будешь? — заботливо поинтересовался отец.

— Овсяную?

— Овсяную, овсяную, — усмехнулся тот.

— Ура. Тогда конечно буту, — тихонько ответила малышка, а затем воскликнула: — Мама! Мама! Просыпайся! Пойдем кашу есть!

— Сейчас, дорогая, уже встаю, — сонно отозвался голос матери. — Доброе утро, милый, — нежно добавила она, обращаясь к своему мужу. — Ты опять всю ночь не спал?

— Доброе, любимая. Да, опять не спалось. Бессонница в край одолела. Эти ночи... зверье все воеет за лесом, да все думаю о той осени, когда урожай пропал от заморозков.

Спустя несколько минут...

Джон присел на мешок, потирая ноющие плечи — раны от когтей лесных существ зудели под коркой запекшейся крови. Выйдя в горницу, он увидел картину уюта: за грубым столом, где посередине ночи горела та самая путеводная свеча, сидела кроха лет пяти, уплетавшая только приготовленную кашу. Светлые косички вились локонами, бело-голубое платьице с кружевным воротничком подчеркивало огромные голубые глазки, чистые, как лесное озеро. Аромат овсянки с медом и сушеными яблоками манил, урча в пустом желудке.

— Привет, — улыбнулся Джон, сердце таяло от этой невинности — напоминание о потерянном детстве в Чистой.

— Здравствуйте! Меня Тана зовут, а вас? — прожевав пищу, тихо поздоровалась она, чуть дрожащим голосом, откладывая ложку и любопытно разглядывая гостя.

— Очень приятно, Тана, а меня зовут Джон.

— Ты нет, не Тана, а Тана! — поправила девочка, хмуря бровки, правда получилось у нее очень плохо.

— А, Дана? — догадался гость.

— Тя! — улыбнувшись, кивнула она и вновь, взяв в руку ложку, продолжила завтракать.

Из спальни вышли хозяин — здоровяк с рыжей бородой, глаза все те же карие, но теперь сонные — и жена: стройная женщина средних лет, с усталым лицом и теплой улыбкой, волосы собраны в пучок.

— Ну что, парень, выспался? — добродушно прогремел Генрих, усаживаясь за стол.

— Да, спасибо еще раз за доброту. У вас чудная дочурка, — кивнул Джон на малышку, которая помахала ложкой.

— Это точно, наша с женой гордость, самое дорогое в жизни, — подтвердил мужик, обнимая супругу за талию.

— Приятно было познакомиться. А теперь пора идти дальше, — улыбнулся Джон, закидывая вещмешок за спину.

— Ну с богом, гладкой дороги, — пожелал хозяин.

— Папа! — недовольно воскликнула Дана.

— Ах да, совсем забыл! — вставая из-за стола и подходя к небольшому сундучку, вспомнил он. — На вот, возьми в дорогу, и не благодари, — сунув кулек с лепешками, сушеным мясом и яблоками, добро произнес мужик. — Слишком много "спасибо" услышал, — засмеялся, жмя руку своего гостя.

На крыльце распрощались, и Джон зашагал прочь из деревни в сторону дороги. Его очень удивило гостеприимство местных, ему стало очень тепло на душе от осознания, что добрые люди есть везде. Вокруг же царил мир и покой, лес полный росы и птичьего щебета и прекрасная погода, отчего даже не верилось в то, что приключилось с ним этой ночью.

Эпизод 2: По грунтовой дороге

20 Апреля. Полдень. Где-то на дороге...

Солнце припекало немилосердно, обжигая кожу сквозь рубаху, а пот стекал по спине молодого путника горячими струями, пропитывая ткань и раны под ней. Его раны слегка ныли под рубахой — свежие корки на плече и груди трескались от пота, отдавая тупой пульсацией, но он продолжал путь в направлении искомой цели, шаркая сапогами по пыльной каменистой грунтовке. Ступая и размышляя о своей цели, он никак не ожидал, что из-за спины на него кто-то нападет. Его шестое чувство развеяло все мысли и каким-то чудесным образом почувствовало стремительно приближающийся, холодный язык клинка, всего за мгновение до возможного смертельного исхода — свист металла, мурашки на затылке. К счастью для него и на удивление нападавшему, парень успел ловко уйти в сторону от удара — тело извернулось, как у змеи, — и благодаря всего одному легкому движению, враг оказался на земле, клинок вылетел из руки, тело грохнулось в пыль.

Упавший лицом на дорогу застонал и, перевернувшись лицом к своей жертве, прикрывая рукой разбитый нос, уставился на того пораженным взглядом. Подло напавшим со спины оказался заросший мужчина среднего возраста, с засаленными, грязными волосами, спутанными в колтуны, в рваной одежде — штаны в заплатках, рубаха без пуговиц, — и с ярко выраженной гематомой под левым глазом, полученной явно до падения — синяк фиолетовый, опухший.

— Я бы на твоём месте так не делал! — встревоженным голосом прорычал Джон, успевший выхватить меч и уже державший острое лезвие буквально в сантиметре от кадыка неприятеля.

Сердце молодого воина колотилось с бешеной скоростью, а меч в его руках заметно колыхался от проходящей по всему телу дрожи, которую он упорно пытался сдерживать — адреналин бурлил, пальцы онемели. Прямо сейчас Джон мог бы спокойно убить этого человека, который чуть было не лишил его жизни — один толчок, и горло перерезано, — но все же парень не желал забирать у того жизнь и пачкать свои руки в крови — не убийца, не Темный.

— Простите, о благородный, я не знаю, что на меня нашло, — судорожно промычал заросший разбойник, вытирая рукавом обильно вытекающую из носа кровь — алый поток стекал по подбородку. Его испачканные грязью руки дрожали, как с дикого бодунища, да так, что Джон по сравнению с ним казался абсолютно спокойным. Мужик был так напуган, что его зрачки расширились настолько, что в них даже не было видно цвета радужки — сейчас это были просто большие черные кляксы среди белка.

— Боишься? Что ж ты, негодяй, делаешь-то! Незнакомому человеку готов нож в спину засадить, — кое-как совладав с собой, ровным, недовольным голосом произнес Джон.

— У меня жена и дочь, они голодны, а денег у нас нет. С работой нынче трудно, а я грибы-то собирал неподалеку и гляжу из-за кустов — какой-то незнакомец идет, ну и как перемкнуло в голове, захотелось легкой добычи. Наверно солнцем напекло дурную голову! Простите еще раз, только не убивайте меня, пожалуйста, — умоляюще покаялся разбойник, встав на колени, ладони вместе, как в молитве.

Джон разглядел в его глазах страх и раскаяние. Руки и челюсть незнакомца продолжали дрожать, и тот был уверен, что его покарают за содеянное. Путник подумал с полминуты и решив, как лучше поступить, убрал от горла разбойника меч.

— Хорошо, я дам тебе шанс, — процедил он, убирая меч в ножны. — Но не дай бог ты мне еще раз попадешься!

— Нет, нет, что вы! Спасибо вам, что оставили меня в живых, я исправлюсь, клянусь, — пророкотал, не скрывая радости, мужчина, а когда встал, спросил: — Может вам нужна какая-нибудь помощь? Скажите, чем смогу — помогу!

— Скажи мне, где ближайшее поселение, в котором можно выпить и закусить?

— Вон туда вам надо, — указывая пальцем прямо по дороге, буркнул он. — Примерно пять дней пути и придете к Костяному Гребню, там все есть — таверна, эль, мясо.

— Хорошо. На вот, возьми немного денег, купи себе и родным поесть, — протягивая несколько монет, произнес Джон, думая, что совершает благой поступок — чешуйки звякнули в грязной ладони.

— О, спасибо вам огромное, этого хватит на несколько дней, а то и дольше. Я обещаю, что не буду больше так поступать и спасибо вам еще раз, — заулыбался расслабившийся мужик, сжимая кулак.

— Не за что, а теперь ступай, чтобы я тебя больше не видел. Да! И не дай бог ты возьмешься за старое, — пригрозил Джон, голос сталь.

— Нет, что вы, — ухмыльнулся тот и, убегая, крикнул: — Прощайте!

Бродяга радостный, в мокрых от испуга штанах, побежал по дороге, в ту же сторону, куда шел Джон. Парень слегка сбавил темп, с ухмылкой наблюдая за нелепо бегущим, в припрыжку, бородачом, который через несколько минут уже был достаточно далеко — силуэт растаял за горизонтом. Позабавленный произошедшим путник, решив передохнуть, сделал небольшой привал, чтобы перекусить и немного перевести дух. Он сел на камень возле дороги и, развернув кулек от семьи Генриха, наслаждался тающей во рту лепешкой с медом — сладость, крошки на коленях. Во время этого привала в голову лезли мысли и сомнения о том, правильно ли он поступил по отношению к разбойнику, ведь возможно, тот не заслуживал милосердия — вдруг вернется к ножу?

Спустя много верст...

Вокруг шелестели листья белоствольных берез, движимые легким теплым ветерком, несущим ароматы нагретой земли и цветущих трав — ромашки, клевер. Они стояли вдоль широкой грунтовой дороги, ведущей ноги парня куда-то вперед, усыпанной мелкими камешками, что поскрипывали под тяжелыми шагами. Солнце то и дело скрывалось за белыми облаками, плавно движущимися по голубому небу, изредка игриво выглядывая и направляя свои лучики прямо в лицо путника, заставляя щуриться и потеть под рубахой — соль щипала глаза.

Бредя по этой безлюдной дороге, где лишь редкие птичьи трели нарушали тишину, Джон размышлял о том, как же ему быть. До пункта назначения было довольно далеко — не меньше двух недель пешком, и быть может, если ему не попадетсЯ какой-нибудь караван или проезжающая повозка с дружелюбным возчиком, то придется весь маршрут топтать на своих двоих, а расстояние проделать нужно было просто невообразимое — через густые леса и равнины, полные неизвестных угроз.

Мысли, кружащие в голове парня, то и дело метались между событиями случившегося с ним и планом дальнейших действий, словно осы в улье. Он вновь и вновь переживал горькие моменты произошедшего в родной деревне, а также вспоминал о кошмарной ночной встрече с Визгунами, их пустые глаза и чавканье над Урихом. Он пытался сконцентрировать свое сознание на будущем и придумать хоть что-то, но ничего в его голову пока не приходило, лишь эхо боли и усталости.

Горькие воспоминания царапали сердце, жуткие же пугали, заставляя озираться на шорохи в кустах. Джон осознал, что в мире множество мерзких чудовищ, которых ему никогда раньше не доводилось видеть, и эти мерзкие отголоски другого мира с радостью бы им полакомились, разрывая плоть на части под луной. Однако парня больше всего пугало то, что он был одинок в этом жестоком мире. Никакой поддержки у него не было, здесь он был сам по себе, со старым мечом и горстью монет в кошеле...

Со временем, что он шел по дороге, мысли о плохом с каждым пройденным метром понемногу улетучивались, вытесняемые ритмом шагов и свежим ветром в лицо. Джон внушал себе в голову, что не стоит держаться за старое, пускай и очень дорогое — Чистая осталась позади, как сон. Чудовищ тоже не стоит бояться, ведь они существа ночи и главное вовремя найти убежище — деревню, как Окольная...

Парень шагал вперед, понимая, что он сам избрал такой путь, и это давало странную силу. Джон убеждал себя, что раз справился с солдатами Темного Воина и Визгунами, значит какой-то потенциал в нем да есть, ведь возможно не зря мама говорила, что он сможет изменить этот мир. Как знать, вдруг силой Джона была возможность преодолевать все трудности, появлявшиеся на его пути, и его предчувствие...

Устав от долгой дороги под палящим солнцем, что жгло кожу и высасывало силы, путник решил вновь передохнуть. Джон сошел с дороги и, расположившись под одной из берез, чья тень дарила прохладу, снял со спины вещмешок, чувствуя, как плечи ноют от тяжести. Открыв его, парень достал вяленую рыбу и кусок слегка зачерствевшего хлеба, которыми решил подкрепиться — еда от Генриха была вкуснее, но запас скудный. Парень с хмурым видом выковырял из рыбы мясо и закусил его хлебом, после чего достал из мешка бутылку с какой-то жижей, странного оттенка — поило Уриха, оставшееся в повозке, мутное, с осадком. Раздался слабый хлопок открытой бутылки. В нос тут же ударил свойственный хмельной аромат самодельного пойла, отдающий кислинкой и травами.

— Эх, раньше я не любил эту дрянь, — пробурчал Джон, сделав глоток, морщась от горечи, а после еще одного, дополнил: — Ну и поганый вкус, прямо передает весь смысл жизни — кислая, как надежды в этом мире.

Путник снял с ног свои кожаные ботинки, растирая мозоли — красные, горящие, — и, отбросив голову к стволу дерева, устремил свой взор в небо и на проплывающие по нему облака, похожие на драконов из маминых сказок — крылатые, парящие. Немного погодя, он решил сменить повязки, но, сняв их, выяснилось, что все раны уже затянулись плотными коростами. Парень продолжал сидеть под деревом и наслаждаться природой: ветром, шепчущим в листве, птицами, певшими колыбельные. Посидев так с полчаса и набравшись сил, он поднялся на дорогу и пошагал дальше. После отдыха его мысли немного устаканились, из-за чего рассуждать он стал трезвее. Джон решил, что дойдет до следующего крупного поселения на пути и остановится в нем на какое-то время, возможно сумеет подзаработать денег каким-то образом, купит снаряжение, да и вообще решит каким путем отправиться дальше...

Эпизод 3: Заблудший в глуши

20 Апреля. Вечер. Близ деревни Прилесной...

Солнце начинало стремительно приближаться к горизонту, и до наступления сумерек оставалось часа три максимум, окрашивая небо в теплые тона — оранжевые, алые мазки на синем холсте. Дальние облака на небе начинали потихоньку перекрашиваться оранжевыми и розовыми оттенками, предвещая ночь, когда тени удлинятся, а лес оживет. В округе нарастал стрекот кузнечиков, прячущихся в густой траве, что росла вдоль дороги, и уханье сов вдали — низкое, призрачное, эхом в сумраке. Березы, сопровождавшие молодого путника, давно скрылись позади. Теперь же парень ступал сквозь небольшую еловую чащу, за которой уже вот-вот должна была показаться очередная деревня — хвоя шуршала под ногами, смола пахла свежестью, липкой и терпкой, цепляясь за рубаху.

Джон уверенно ступал через лесок, чувствуя, как вечерний холодок пробирает рубаху — пот высох, мурашки побежали по рукам. Впереди над деревьями уже виднелся дым, по всей видимости шедший из труб домашних печей, затопленных к предстоящей ночи и для приготовления ужина — серые столбы вились лениво, растворяясь в фиолетовом небе. Уже начинали слышаться голоса местных жителей, ведущих о чем-то бурную беседу на повышенных тонах — крики, всхлипы, ругань, всплески отчаяния.

Наконец выйдя из леса, перед парнем открылся вид на маленькую деревеньку в десять домов, каждый из которых был поделен на две семьи — бревенчатые, с покосившимися крышами, поросшими мхом. Пятеро жителей стояли в самом центре, возле деревянного колодца

с резным журавлем на крыше, одним из них была женщина средних лет в платке и длинном сарафане. Женщина о чем-то горевала, то и дело вытирая слезы со своего печального лица рукавом. Другими были трое мужчин в потрепанной одежде и еще одна дама, но моложе — они обсуждали что-то, махая руками и почесывая затылки в растерянности. Джон направился к ним, чтобы выяснить, что же произошло, сердце сжалось от знакомой боли утраты.

— Здравствуйте, я могу чем-то помочь? — неуверенно подошел молодой человек, глядя на рыдающую женщину, чьи руки дрожали, пальцы судорожно сжимали платок.

— Здравствуйте, — сквозь слезы едва вымолвила женщина, взглянув на подошедшего. Ее светло-карие глаза были красными, мягкие черты лица искажались отчаянием, длинные шатеновые волосы выбились из-под платка, слипаясь от пота и слез. В них Джон почувствовал что-то, что он не так давно испытывал и сам. — Мой сыночек, он вышел погулять и пропал, — плача поведала горем убитая мать, голос срывался, плечи тряслись.

— Вы его хорошо искали, может спрятался где? — уточнил Джон, оглядывая их бледные, изможденные лица.

— Да, парень, — присоединился к разговору один из мужиков, бородатый крестьянин с топором за поясом, — мы прочесали весь ближний лес, но даже там нет никаких следов. Малой будто сквозь землю провалился, — опустив глаза, процедил он, сплевывая в пыль, сапог растер сок.

— Но почему вы прекратили поиски? — в голову Джона пришел логичный вопрос, и он в недоумении уставился на мужчину, чувствуя разочарование и злобу.

— Парень, скоро стемнеет, а значит делать в лесу нечего, потому как это верная смерть от чудищ. Нам всем жалко мальчонку, но...

— Ясно, я вас понял, — прервал того Джон и перевел взгляд на мать пропавшего мальчика, чьи пальцы судорожно теребили платок.

— Молодой человек, — обратилась она, подойдя ближе и взяв того за руку — ее ладонь была холодной и мокрой от слез. — Прошу, нет, молю, найдите моего сыночка, — прорыдала она. — Вы ведь молодой, мигом проверите лес. Пожалуйста, времени очень мало, ночь близко!

Джон глядел на молящую о помощи женщину, не зная, что и ответить — перед глазами мелькнуло лицо его матери. Сердце обливалось кровью глядя на женщину, да и принять мысль о том, что на его совести может быть гибель маленького мальчика, он не желал. Спустя минуту раздумий, желание помочь разбитому горем человеку преодолело страх возможной смерти от лап кровожадных чудищ, шепчущих в сумерках.

— Я... я вам помогу, — вымолвил Джон, глядя на женщину, а затем, переведя взгляд на остальных, уверенно спросил: — Кто-нибудь знает, в какой стороне искать?

За пару часов до полуночи. Где-то в глубокой чаще, возле Прилесной...

На душе скреблись кошки, а едкий запах сырой земли и гниющих листьев забивал ноздри — прелый мох, плесень, гниль. И без того непроходимый густой лес становился еще более жутким от прихода постепенно наступающей, непроглядной тьмы, где лунный свет едва пробивался сквозь кроны — серебристые лучицы дрожали на хвое. Сердце начинало колотиться при малейшем постороннем шорохе, то и дело доносившемся с разных сторон — хруст веток, шепот ветра или... шаги? Тени шевелились, ветви скрипели, как кости.

Что скрывала эта ночная чаща среди темных стволов деревьев и густой листвы колючих кустарников — неизвестно, но Джон уже успел десять раз перекреститься и в глубине души пожалел о своем решении. Его пальцы дрожали на рукояти ржавого меча, но он раз за разом звал потерянного мальчика, от которого никак не поступало ответа. В лесу продолжала стоять лишь гробовая тишина, разрушаемая лишь голосом путника и все тем же трижды проклятым шорохом, от которого волосы вставали дыбом...

— Ау! — закричал во весь голос парень. — Малой, выходи! Ау!

Джон понимал, что ничего хорошего от таких завываний не произойдет и лишь накликает на себя беду, ведь ночные существа услышат этот зов и придут по его душу. Но несмотря на весь страх, отступить он не желал. Ему не давало покоя то, как он посмотрит матери мальчика в глаза, ведь возможно заблудший мальчуган совсем рядом — например, вон за тем деревом или за следующим, спит себе и ждет спасения, свернувшись калачиком от холода.

— Нет, отступить рано, — прошептал Джон, едва различавший в наступившем мраке то, что находится дальше трех метров, из-за того, что тени сливались в черную стену. — Ау! — вновь закричал он, а в ответ на этот раз услышал лишь как закуковала кукушка. — Черт, — выронил парень, ведь от услышанного ответа его сердце даже екнуло от испуга.

И все бы ничего, кукушка как кукушка, если бы спустя полминуты она не закончила свою монотонную песнь истошным птичьим криком — хриплым, обрывающимся, словно предсмертным. По всей видимости, разрушившую ночную тишину птицу что-то настигло. Парню сразу вспомнились звуки хруста костей и чавканья, а также представилось, как нечто пожирает пернатого зверя. От всего этого Джон испытал самый что ни на есть ужас, мурашки которого в один момент пробежали по всему телу, а на душе стало еще паршивее. Сейчас он всем сердцем молился, чтобы тварь его не нашла, дыхание вырывалось паром в холодном воздухе...

Парень стремительно пошел в обратный путь, желая поскорее выбраться из этого богом забытого леса, ветви хлестали по лицу, оставляя жгучие царапины. На всякий случай Джон достал ржавый одноручный меч, сжимая потной ладонью потускневшую рукоять, чтобы если вдруг чудовище его нагонит и ему придется сражаться, он сумел успеть что-либо предпринять против того.

Путник ускорял темп с каждой секундой, пробиваясь сквозь еловые ветви и разного рода кустарники, шипы рвали рубаху — ткань трещала. Лицо во всю горело от встречавшихся на пути ветвей, то и дело продолжающих нагло бить его. Стремительно пробираясь сквозь чащу, Джон попутно прислушивался к происходящему позади. Сначала все было тихо, но потом...

Как же участилось его сердцебиение, когда он расслышал позади посторонний шелест чего-то приближающегося, как ему показалось на четвереньках, как какое-то животное — тяжелое дыхание, хруст сучьев. И в самом деле нечто постороннее приближалось к нему на огромной скорости. Обернувшись назад на более пустом участке леса, Джон заметил в десяти метрах позади себя горящие во мраке глаза, то и дело приподнимавшиеся и опускавшиеся ниже, на высоте около полуметра — желтые, звериные. Ночной зверь явно чуть ли не скакал за своей жертвой и отступить был явно не намерен.

— Хоть что-то хорошее, — процедил запыхавшийся парень, увидав впереди пустую полянку, расположенную прямо посреди леса, залитую слабым лунным светом — круг серебра в черном.

Выбежав на слабо озаряемую поляну, Джон решил встретиться лицом к лицу с чудовищем. «Пусть лучше так, чем как трус у какого-нибудь дерева», — гордо процедил путник, обернувшись и ожидая скорой встречи, ноги расставлены, меч наготове, дыхание ровное, глаза прищурены.

Горящие во тьме хищные глаза приближались, но теперь уже медленно, плавно выходя из темной непроглядной чащи, хвоя шуршала под лапами. Первой показалась морда. Мерзкая кожа, будто обгоревшая, была без волос или шерсти, а слегка выдвинутая морда, похожая лишь отдаленно на человеческое лицо, была жадно разинута. Из рта вытекало огромное количество слюней, стекающих на землю с острых зубов, воняя гнилью. Тварь издавала какое-то рычание, похожее на животное — низкое, булькающее, — и делая шаг за шагом приближалась к своей цели.

Наконец показалось и тело, столь же противное и отталкивающее — редкие гнойные наросты, мускулы под кожей. Оно все было в проплешинах, а передние и задние лапы больше напоминали человеческие руки, только более внушительные, с когтями словно у волка, цара-

пающими землю. Наконец сократив дистанцию до шести метров, тварь пулею бросилась на заплутавшего путника...

Джон отпрыгнул в сторону, тем самым увернувшись от прыжка безумного чудища — когти чиркнули воздух, воняя гнилью. Тварь, именуемая в народе Гулем, приземлилась в двух метрах, перекувыркнувшись на спине. Всего в один миг чудовище вскочило на четыре лапы и гневно зарычав, вновь повторило свой хищный бросок.

Парень осознал, что тварь эта пускай очень злобная и опасная, но все же довольно глупая и управляет ею лишь животное желание скорого ужина, и броски его довольно предсказуемы. После очередного неудачного прыжка чудище было встречено острием ржавого меча...

Хлестнула черная, едкая кровь, брызги которой попали на лицо парня, твердо стоявшего на земле с оружием в руках, заставив зажмуриться. В ту же секунду раздался пронзительный животный визг чудища, режущий уши, эхом по поляне. Оно почувствовало боль и ему это не понравилось. Разгневанный гуль со вскрытым, изливающимся кровью, боком гневно бросил свой хищный взгляд на утратившего страх Джона. Чудовище готовилось к новой атаке, а похрабrevший путник поджидал этого очередного прыткого удара, но как оказалось, оно решило поступить иначе...

Неожиданно монстр встал на задние лапы и пошagal на свою жертву прямо как человек, ростом под полтора метра. Шагая в сторону посмеvшего дать ему бой, тварь гневно лязгала своими острыми клыками, надеясь вскоре заполучить свою желанную добычу...

Джон был ошарашен, ведь теперь на него уверенно шагало прямоходящее существо. От увиденного ужаса у него в жилах похолодела кровь и его вновь охватил страх. Путник медленно отступал от приближавшегося каждую секунду все ближе и ближе чудовища. Он пытался совладать со страхом и наконец завершить начатое, но вдруг откуда-то слева послышался детский крик, изменивший ситуацию на корню...

— Дяденька! Я здесь! Помогите! — раздался мальчишеский звонкий голосок, полный паники.

Джон был поражен, услышав голос мальчика, а после побледнел от произошедшего. Как только раздался детский голос, чудище в ту же секунду повернуло голову в сторону источника звука и, вновь встав на четвереньки, бросилось напрямик за легкодоступной добычей.

— Стой, падла! Давай, возьми меня! — заорал путник, бросившись вдогонку за удаляющимся в чащу чудовищем.

Парень гнался за монстром, но догнать того не смог — тварь была быстрее, лапы мелькали. Существо скрылось где-то за кустами, а после раздался душераздирающий детский крик — короткий, обрывающийся, полный ужаса...

Эпизод 4: Вдовья награда

21 Апреля. Заполночь. Где-то в глубокой чаще...

На лице полуночного путника, озаряемого светом луны, читался ужас и страх — серые глаза расширены, губы дрожат, пот стекает по вискам, смешиваясь с грязью и обжигая царапины от ветвей. От одной лишь мысли, что он не смог ничего сделать и теперь, по причине своей неопытности и беспомощности, мальчишка погиб от лап этого монстра, парня охватил неподдельный ужас, вперемешку с разочарованием в себе. Его кулаки сжались до белых костяшек, а ногти до боли впивались в ладони от гнева. Если бы он только разделался с чудовищем немного быстрее, тогда возможно гибели мальчика можно было бы избежать — вина жгла, как кислота, разъедая изнутри, эхом отдаваясь в тяжелых висках.

Забежав в чащу, у самого входа в нее, парень обнаружил чудовище, которое что-то жадно уплетало, издавая омерзительное чавканье и хруст — челюсти работали, как молот, слюна стекала по клыкам, блистая в лунном свете. Непреодолимый гнев взял верх над путником. На гла-

зах выступили слезы горечи, затуманивая взгляд. В мгновении ока Джон оказался возле твари и, словно одержимый, приступил рубить чудовище ржавым мечом, которое никак не ожидало такого поворота судьбы. Удары сыпались градом — свист клинка, хруст костей, — кровь хлестала фонтанами, превращая некогда ужасное порождение тьмы в бесформенный кусок мяса — ошметки летели в стороны, чавканье сменилось бульканьем.

Через несколько мгновений голодный монстр превратился в один сплошной фарш от свалившихся со всей силы на него разгневанных ударов начинающего убийцы чудовищ. Существо было уже мертво, но парень продолжал усердно изрубать проклятое творение, пришедшее из другого мира. Кровь хлестала во все стороны, заливая Джона с ног до головы, что даже рукоять меча уже начинала скользить в руках. От чувства вины и ярости, переполняющей его, на мгновение ему даже показалось, будто в порыве гнева его охватила какая-то красная материя — вспышка в глазах, жар в венах...

— Дяденька! — воскликнул откуда-то сверху дрожащий детский голос, все это время наблюдавший за этой картиной. — Оно мертво. Может уже снимите меня отсюда?

Услышав голос, Джон остановился, с его души будто упал огромный груз — легкие выдохнули, плечи опустились. Он поднял голову и увидел сидящего на ветке дерева маленького паренька, бледного, глаза широко открыты от пережитого и увиденной им жестокой картины — личико в грязи, ручки вцепились в кору. Спаситель убрал меч и помог слезть мальчишке, ухватив того под подмышки — легкий, дрожащий, холодный, как лед.

— Слава богу, я уж думал, что тебя это чудовище слопало, — выдохнул новоиспеченный герой, опустив мальчика на землю, но молодое сердце все еще колотилось — адреналин бурлил. — Но что жрала эта тварь?

— А, так я ему свою игрушку бросил, а оно и давай ее есть, — пояснил малой, вытерев своей рубашкой нос, из которого от наступившего холода текли сопли — зеленые, липкие.

— Вот оно что, — усмехнулся Джон, поняв всю ситуацию, вытирая кровь с лица рукавом, а затем спросил: — Как тебя звать-то, малой?

— Клим, а вас, дяденька?

— Меня Джон. Ну да ладно, давай не будем терять время и пойдем скорее домой, а то вдруг здесь еще такие чудовища водятся.

Мальчишка одобрительно кивнул и протянул Джону руку — маленькую, холодную, доверчивую. Вместе они отправились прочь из леса. Правда пришлось немного поплутать — чаща запутывала тропы, ветви цеплялись, — но все же они вышли к деревне, не встретив на своем пути больше никаких чудовищ, лишь эхо криков сов...

На утро...

Наступило утро. Густые облака заслонили небо, скрывая за собой небесное светило. Весь окружающий мир был укутан непроглядной пеленой тумана, взявшейя неизвестно откуда — запах дыма, сырости. Возможно это горели какие-то поля или торфяники, а может это было просто обыкновенное испарение от реки неподалеку — белая мгла стирала очертания домов, колодца.

Джон выглянул из окна дома, который принадлежал матери спасенного мальчика, и узрел эту необычную картину — белая пелена стирала горизонт. В голову сразу закралась мысль: «А как же я отправлюсь в дорогу?» Сквозь этот довольно густой туман едва получалось что-либо разглядеть. Видно было всего на пару метров вперед, а дальше просто белая завеса, возможно таящая в себе немыслимые, неопишуемые опасности — твари или разбойники...

— Дядя Джон, — раздался голос зашедшего в комнату мальчишки, шаркающего босыми ногами, — а вы еще погостите у нас?

— Мне нужно ступать дальше, но придется переждать этот туман, — объяснил он, вставая с удобной одноместной кровати, набитой перьями кур и пахнущей лавандой, когда-то при-

надлежавшей бабушке мальчика, некогда жившей здесь — мягкая, уютная, с вышитой наволочкой.

— Ясно, — опустив глаза в пол, грустно произнес малой, а затем добавил: — Там мама кушать вас зовет.

— От завтрака бы я не отказался, — улыбнулся Джон, подойдя к Климу и почесав тому голову, сказал: — Пойдем, маленький разбойник, составишь мне компанию.

Джон с мальчиком зашли на кухню, где их ждал настоящий шведский стол — пар от блинов, запах жареного мяса, свежий хлеб, сыр, сметана. Женщина не знала, как и благодарить человека, спасшего от смерти ее сына, поэтому решила сделать все возможное для благодарности — глаза ее светились теплом, щеки румяные.

Ночью, когда тот привел ее сына, она рыдала от счастья, вновь увидев своего драгоценного ребенка и долго обнимала его, промочив маленькую рубашку насквозь. Когда буря эмоций стихла, радостная мать принялась благодарить незнакомца, отважившегося пойти на такую жертву — «Вы ангел с небес». Женщина сопровождала Джона в дом и позволила ему переночевать, а сейчас решила еще и накормить доброго путника всем, что только есть — вот она человеческая благодарность.

— Ого, — разинул рот парень, увидев множество тарелок с разнообразными блюдами — блины со сметаной, яичница, домашние колбаски, сыр, мед. — Лидия, ну что вы, не стоило. Это же столько еды, вы сами-то как жить будете?

— Хватит говорить, — улыбаясь, буркнула она, поправляя фартук, — садитесь и ешьте, будьте великодушны. Я хочу отплатить вам за вашу отвагу. А если не станете, то все просто испортится, — сделав грустные глаза, нашла она весомый аргумент, пододвигая миску.

— Ну хорошо. Спасибо вам огромное, но правда не стоило, — садясь за стол, произнес парень.

Мальчик сел рядом с гостем, а женщина напротив. Давно Джон не ел настолько вкусную домашнюю свежеприготовленную еду — блины таяли во рту, колбаски хрустели, свежий хлеб пропитывался сметаной, — да еще и за столом с такими приятными людьми: смех Клима звенел колокольчиком, разговоры о погоде, лесе и местных байках лились рекой. Если бы сейчас кто-нибудь увидел их всех вместе, то наверняка бы принял за одну дружную семью; ненадолго даже Джону так показалось — тепло очага, уютный запах специй, это было приятное, непередаваемое чувство, напоминание о Чистой, когда его матушка хлопотала у печи...

Они просидели за столом несколько часов, наслаждаясь пищей и душевной беседой. Лидия делилась местными историями, рассказала о своем муже, погибшем от лап. А Джон рассказал, куда направляется и о том, через что ему пришлось уже пройти: сожженная Горькая, Визгуны на дороге, лесная схватка с шерстяным зверем. Лидии очень понравился этот молодой человек — он казался простым, добрым, но при этом надежным и способным защитить близкого: сильные руки, серые глаза с искрой решимости, тело под рубахой, закаленное встречами с чудовищами — плечи широкие, шрамы свежие.

Туман развеялся лишь после полудня, и отправляться в дорогу было теперь не слишком разумно. После недолгих уговоров Лидии, Джон согласился остаться еще на одну ночь. Парень наконец сумел как следует отдохнуть и восстановить силы после всех этих изнурительных дней. Горячий обед сменился уютным вечером у очага, маленький Клим уснул рано, и взрослые остались наедине. Нежные черты лица женщины смягчились от желания, она сидела напротив своего гостя с распущенными длинными волосами, а ее глаза игриво блестели в полумраке. Налив очередную кружку травяного чая, она села поближе и бедром коснулась ноги парня. Разговор затих, воздух сгустился от невысказанного желания — вдова, одинокая в горе, и спаситель сына, пахнувший лесом и мужеством...

Вечером она отвела его в местную баню — маленькую парную, с кадкой горячей воды от печи и полком в сосновой смоле.

— Помойтесь, а я помогу, — кокетливо шепнула Лидия, заперев дверь изнутри.

Джон стянул рубаху, обнажив мускулистый торс с ранами от когтей — загрубевшие корки на плечах и боках уже готовы были отвалиться, мышцы блестели от пота. Она подошла сзади, мокрая тряпка скользнула по спине, смывая грязь, кровь и пот, накопленные в пути: руки ее дрожали, но касания становились смелее, пальцы ласкали мышцы, спускаясь ниже по ребрам, поясу.

— Ты ведь настоящий герой... такой сильный и храбрый, — выдохнула она, прижимаясь грудью к его спине, соски затвердели сквозь тонкую сорочку. — И я бы очень хотела тебя как следует отблагодарить.

Джон повернулся к вдове, осмотрев скорым взглядом ее соблазнительное тело, скрытое под намокшим одеянием — изгибы бедер, полная грудь, — а после положил свои руки на ее теплые бедра, не знавшие ласк уже очень давно. До этого момента у парня еще не было женщины, и он чувствовал неловкость и легкое смущение, но природа и интуиция подсказывала, что делать. Поцелуй случился мгновенно. Их соленые от пота губы и языки жадно сплелись, она тихо застонала от предвкушения, впиваясь пальцами в плечи своего героя. Сорочка слетела, обнажив соблазнительную грудь, тяжелую, с темными сосками, вздымающуюся от дыхания. Джон прижал Лидию к стене бани, войдя в нее резко, но нежно, ноги женщины обвили его талию, а ее бедра двигались в ритме, доставляя непередаваемое наслаждение под звуки мокрых шлепков и сладких стонов — пар окутывал тела, пот стекал, мир сузился до их сплетенных фигур...

На утро добрый путник попрощался со спасенным мальчиком и его милой матерью, отправляясь в дальнейший путь с новыми силами, в чистой одежде, учтиво выстиранной Лидией, и теплом в сердце, а также маленьким секретом между ними...

Глава IV: "Первый Заказ"

“Добрые поступки находят место в сердцах людей, правда порой, забываются они довольно быстро.”

Эпизод 1: Сто зубов

26 Апреля. Вечер. Поселение Костяной Гребень...

Спустя несколько длинных дней пути, после спасения мальчика в Прилесной и ночных остановок в деревнях, что прошли на удивление без происшествий — ни Визгунов, ни Гулей, лишь совы крики да туманы, — Джон наконец приближался к первому крупному поселению на своем пути, именуемому Костяной Гребень, если конечно не брать в учет захолустный Широкий Холм, который он посетил совместно с Урихом.

Поселение это было расположено возле широкой реки с причудливым названием Коренавка, из-за своей ветвистости, образуемой множеством втекающих в нее маленьких речушек — воды бурлили, петляли, как корни. Поселение то было небогатым, но зато проблем с пищей не возникало, ибо рыбы в реке было довольно много, чем люди в основном и торговали, порой просто выменивая рыбу на мясо или хлеб — неводы сушились на берегу, запах тухлятины висел в воздухе. По сравнению с той же Чистой, здесь не было таких густых лесов с обилием живности, да и размер поселения превосходил простую деревню раз в десять. Центром являлся местный базар, со стоящим прямо напротив большим трактиром, в котором путнику или торговцу можно было передохнуть, поесть и возможно найти какую-то работенку.

Джон бодро шагал вперед, уже практически привыкнув к дальним странствиям и суткам на ногах — мозоли затянулись, спина выпрямилась, шаг уверенный. Полученные раны окончательно заросли без следа, не осталось ни шрама, ни рубца, словно его тела даже не касались когти Гуля. Парня подобное совсем не удивляло, ведь с детства на нем все заживало как на собаке и это казалось обычным делом. А вот произошедшие с ним по пути ужасы, которые еще недавно терзали его ум и внушали страх, в данный момент воспринимались как что-то обыденное. Каким-то образом он будто изменял в себе восприятие всего, через что прошел, переваривая в пути каждую стычку, каждое приключение, делая выводы и превращая свои страхи в силу и знание. Какой-нибудь другой простак, пережив подобное, был бы уже давно мертв или скорее всего всю свою жизнь вспоминал пережитый ужас, боясь покинуть свой дом ночью. Но Джон был человеком другой масти и даже не подозревал об этом раньше.

Впереди путника уже виднелись трехметровые бревенчатые стены поселения, являвшиеся ночной линией обороны от чудищ и разбойников. Нужно сказать, что днем ворота поселения были всегда открыты, но только лишь солнце касалось горизонта, как массивные ворота запирались на засовы до самого утра, не пуская больше никого за свои стены.

Пройдя внутрь, перед глазами молодого парня раскинулся вид на просторное поселение: вдоль широкой дороги, идущей сквозь весь Костяной Гребень напрямик, стояли различные прилавки, в которых торговали как местные, так и приезжие торговцы, естественно за определенную плату — рыба на вертелах, соль в мешках, ножи, шкуры. Позади этих прилавков, чуть глубже внутрь, стояли жилые дома по одну сторону, и та самая Коренавка по другую. По берегу реки был выстроен частокол, а также расположено множество мостиков, на которых местные сельчане рыбачили, стирали одежду и просто набирали воду — бабы с ведрами, дети и мужики с удочками.

Спустя какое-то время. В трактире...

Местный трактир создавал о себе не самое приятное впечатление. В этой просторной на первый взгляд забегаловке почти все столики были заняты. Помещение было сильно прокурено, и кругом парил едкий дым, от которого у зашедшего внутрь парня с непривычки застелились глаза.

Гости заведения курили махорку, пили алкоголь... ели местные кушанья — жареную рыбу, похлебку и много еще чего с рыбой. По всему трактиру стоял неутихающий ни на секунду гул и громкий смех постояльцев. В самых дальних уголках этого злополучного места сидели богатенькие мужички, возле которых активно крутились продажные девки и всячески их ублажали — руки под столами, шепот, хихиканье. Некоторые из них опускались даже до интима за деньги.

— Что за помойка, — пробурчал Джон, оказавшись в этом месте. Немного осмотревшись, парень подошел к прилавку трактирщика, над которым красовалась вывеска с названием заведения — «Сто Зубов», вырезанная на доске с черепом. — Здравствуйте, что у вас есть перекусить? — обращаясь к хозяину этого места, спросил он, усевшись напротив того, сапоги стукнули о пол.

Трактирщик повернулся к своему новому гостю. На лице у того росли длинные усы, похожие на пиявок, и небольшая бородка, как у козла. Его лысая, слегка неровная голова блестела, словно наполированная воском. Трактирщик недовольно уставился на незнакомого ему посетителя и пристально осматривал его аж полминуты, а затем молча протянул гостю меню — потрепанную доску, исписанную мелом.

— Откуда путь держишь, паренек? — вдруг прервал тот свое молчание, почесывая свои длинные усы и прищуриваясь, глаза хитрые.

— Из деревни Чистая, — не тая ответил Джон. Он чувствовал какую-то тяжесть в глазах трактирщика и это вызывало у него дискомфорт. Мужик молчал, и тогда гость решил спросить: — А почему ты интересуешься?

— Видишь ли парень, редко у нас незнакомцы бывают, а если и захаживают такие, то обычно это или воры, или разбойники, — объяснил свое недоверие тот, сплевывая в миску.

— Вот как, но ведь здесь наверняка много торговцев проезжает, да и можно подумать, у тебя постояльцы из высшего сословия, — бросил в ответ Джон, переведя взгляд на двух вусмерть пьяных гостей, сидящих через два стула от него по левую руку — бородастые, в шапках, храпят.

— Что ж, весомый аргумент, парень, — посмеявшись, заметил усатый, а после, расслабившись, процедил, сделав обычное лицо, теперь уже слегка добродушное: — Что верно, то верно, но увы, какие есть.

— Со мной проблем не будет, — успокоил Джон. — Я здесь мимоходом, держу путь в направлении Красного Города.

— И куда же конкретно тебя ведет дорога, если не секрет? Близ Красного города довольно много Темных, я бы держался от них подальше на твоём месте.

— Ну моя цель не так уж и близко от города, — пояснил путник. — Есть, не доходя Багрового Дуба, одно местечко возле небольшой деревушки, — начал Джон, а после, достав карту и показав на свою цель пальцем, завершил: — Вот туда мне нужно.

— Нууу... если ты путешествуешь на своих двоих, — с любопытством разглядывая карту, забубнил усач, — то тебе примерно недели две добираться. А что там находится?

— Самому бы знать, — ответил парень, решив, что это лишнее. — Но подожди, почему же две недели? — поинтересовался он, показывая свой изначальный маршрут.

— А... так ты не пройдешь там! Ну верней можешь, но это очень опасно. Вот смотри, видишь между этими двумя населенными пунктами расположена деревня Высотная?

— Вижу, и что не так?

— А дело в том, что путешествуя пешком, тебе придется там заночевать, так как между соседними деревеньками расстояние не близкое. А эта самая Высотная как бы это сказать — захвачена мертвыми.

— Что? Сейчас не понял, в каком смысле мертвыми? — озадаченно уставился на трактирщика парень.

— Да тут буквально на досуге приехал один мужичок, который той дорогой шел со своими товарищами, по итогу в деревне его друзья и остались. Тот чудом выжил и добрался сюда, а те наверно ходят теперь, тоже живой плоти жаждут.

— Так ведь чудища лишь по ночам пробуждаются? Неужели в доме не закрыться на ночь?

— Чудища да, они по ночам пробуждаются, все верно. Но видишь ли, какое дело: помимо этих самых чудищ есть иные существа, именуемые Умертвиями. Так вот эти самые Умертвия — это ожившие мертвецы, жаждущие плоти и днем, и ночью. Слыхивал я даже байки, что они являются некими марионетками, управляемыми более страшным злом. А так да, если тебя кто впустит, сможешь переночевать, там ведь кто-то из местных даже в таких условиях живет. А может уже и нет, тут неизвестно, до чего та нежить разбушевалась.

— А что они из себя представляют эти Умертвия?

— Так ясно что! Мертвые люди, ходят не спеша, жрут все что попадется под руку и хрен ты их убьешь — боли-то они не чувствуют.

— А просто перебить их, отрезать конечности? Неужели никто не может прийти на помощь той деревне, собрав небольшой отряд добровольцев?

— Ахах, — громко засмеялся трактирщик, что даже слеза вытекла. — Ну ты даешь, ты сейчас серьезно?

— Ну да.

— Эх, парень, ты видать наивен еще в меру возраста. Да никому это не надо рисковать своей шкурой, шутишь что ли? В нашем мире уже давно практически не осталось людей, готовых жертвовать собой ради других. Все подобные или сдохли, или вовремя отказались от этой глупой затеи. Конечно я слыхивал, что есть малочисленные наемники, которые чудищ косят за деньги, но лично я таких не встречал, уж тем более, которые это делают за даром. Вот скажи честно, ты бы сам ради кого-то, кого даже не знаешь, рискнул бы своей жизнью?

— Мне уже доводилось, — с ноткой гордости признался парень.

— Да ты что? И кого ты спас? — надменным голосом спросил удивленный усач.

— Мальчонку в Прилесной, он в лесу заплутал, уже смеркалось, все местные уже руки опустили и бросили поиски, но я вовремя там оказался и сумел спасти его.

— Ну повезло... а вот если бы чудище встретил, я не думаю, что ты бы выжил или сейчас говорил о спасении других.

— Наверно ты сейчас очень удивишься, но я за то время, что иду из Чистой, уже четырех чудищ положил, заметь — один.

— Да ну, гонишь ты все! Кстати... есть у нас тут тоже один такой из Чистой, тоже чудищ убивает якобы, тот еще сказочник, как же его там звали-то, — задумался трактирщик. — А точно, Крис кажется. Вот этот тоже байки всем рассказывает, что чуть ли не герой. Да кто-то верит, а по мне — просто девок местных соблазняет, защитничек херов. Не знаешь его кстати?

— Да, думаю знаю, по крайней мере знал давненько. А не подскажешь, как мне его найти?

— Хмм, а давай так! Вот ты говоришь не боишься чудищ и спасти нуждающихся готов, да?

— Ну.

— Тогда я предлагаю тебе вот что: сходи в соседнюю деревню и разберись с местными разбойниками. Они же ведь не опаснее этих ночных тварей, если так подумать. Они где-то там недалеко в лесу лагерь разбили. Что скажешь?

— А тебе это зачем? Какой прок?

— Ну смотри: ты докажешь мне, что не балабол! Мне как никак интересно — очередной брехун ты или нет. Да и у меня там тетка живет, не хотелось бы, чтобы ее какой-то гад прирезал. Плюс дороги чище станут, а то эти мерзавцы проходящих там обворовывают, нескольких путников за последний месяц даже зарезали, вроде и баб потрахивать не стесняются.

— Да... они не лучше чудищ.

— Ну а я тебе про что.

— А что по вознаграждению, — недолго думая уточнил парень.

— А кто говорил, что всегда готов помочь нуждающимся? Ну ладно, я все понимаю, добром на добро отплачу: позволю тебе бесплатно ночевать в одной из комнат сколько пожелаешь, расскажу где тебе найти этого балабола Криси, ну и пожарать, и выпить поставлю за свой счет. Как тебе? Годится?

— Годится! — воскликнул путник, протягивая руку.

— Отлично! Хотя я думал ты заднюю дашь, ну ладно — посмотрим, вернешься ли ты еще сюда, — со скепсисом выдал тот, а после продолжил: — Лагерь тот где-то возле Раскольной находится. Там деревенька не шибко большая, если вдруг помощь какая или крыша над головой понадобится — спроси у кого-нибудь Грету, это тетка моя, скажи только, что от меня. Она тебе поможет чем сможет.

— Понял, тогда завтра с утра двинусь в Раскольную. Кстати, я спросить хотел, а почему это место называется «Сто зубов»? — указывая на вывеску, поинтересовался путник.

— О, это довольно забавная история, если пожелаешь — могу рассказать, — оживился тот, явно желая поведать какую-то удивительную историю.

— С удовольствием послушаю, — решив наладить отношения, согласился парень.

— Ну что ж, ладно. Как-то раз здесь в трактире произошла заварушка среди местных, а началось то все из-за одной самой обычной бабы. Мужики в тот вечер нажрались как свиньи и устроили немислимую драку! Представляешь, разнесли мне пол заведения, само собой они заплатили за все, куда им деваться-то, — усмехнулся мужик. — Ну вот, и когда я после закрытия убираться стал, так целых сто выбитых зубов на полу подобрал, а кровищи-то было — ой, мама не горюй. Вот в тот-то момент меня и осенило назвать так это место, — отдаваясь воспоминаниям, с удовольствием рассказывал трактирщик. После того как его история была закончена, мужчина с улыбкой спросил у гостя: — Ладно, чего-нибудь заказывать-то будешь?

Джон внимательно осмотрел меню и, определившись с выбором, брякнул парой звонких монет о стол.

— Дай мне мучные рожки с фазаньей грудкой и кружку медовухи.

— Обожди немного, пока садись вон туда, — процедил он довольным голосом, указывая пальцем на столик для двоих, расположенный у окна, а затем дополнил: — Скоро твой заказ принесут.

Джон пошел за указанный трактирщиком столик. Поудобнее расположившись, он задумчиво уставился в окно и размышлял: «И на что же я подписался? Устранить группу разбойников в одиночку... хотя... у меня же есть элемент неожиданности, а можно попробовать их и по одиночке выцепить...»

Примерно через десять минут пищу и выпивку принесли. Начинаящий наемник как следует подкрепился и, закончив трапезу, снял на ночь одну из свободных комнат, чтобы завтра с утра отправиться по своему первому заданию. В комнате, лежа на соломе, Джон достал кинжал Томаса и разглядывая его блестящее лезвие, рассуждал...

— Ну вот и мой первый заказ. И это не какие-то чудища, а люди. Правильно ли это? Но по словам трактирщика их сложно назвать людьми. Грабят, убивают, насилуют — нет... такие жизни не заслуживают, это точно. И даже жалеть их не стоит, — процедил сквозь закрывающиеся глаза Джон, уходящий в крепкий сон.

Эпизод 2: В поисках лагеря

27 Апреля. Раннее утро. Поселение Костяной Гребень...

Проснувшись довольно рано — петухи еще не пропели, небо серое, — и успев перекусить в трактире, Джон решил, что нельзя лезть на разбойников с мечом в лоб и для выполнения своей цели ему жизненно необходим лук и стрелы. Ведь не будет же он сражаться в ближнем бою против целой банды разбойников? Недолго думая, он отправился на поиски торговца оружием и, ступая по Костяному Гребню, расспрашивал у встречных людей про такового. Лишь пятый встретившийся согласился проводить парня к нему. Старенький мужичок привел путника к дому оружейника, как тот и попросил, после чего мужчина попрощался и ушел восвояси — шаркая ногами и покашливая.

Джон стоял возле обветшалого дома, за которым явно никто не ухаживал. Дом был покосенным, с прогнившими стенами и закрытыми изнутри тканью окнами. Парень приблизился к двери и постучал — кулак глухо ударил по доскам.

— Кто?! — крикнул грубый мужской голос, полный подозрения.

— Я бы хотел посмотреть, что у вас есть на продажу, — громким голосом заявил в ответ Джон, выпрямившись.

Железные ставни заскрипели, и дверь открылась с треском. Перед путником предстал волосатый мужик без растительности на лице и длинноватым носом — орлиным, крючковатым.

— Заходи скорее в дом, — буркнул тот, кивая незнакомцу и зачем-то поглядывая по сторонам — в переулок, на дорогу. — Ну что, зачем пришел? Что интересует?

— Так оружие посмотреть, да стрелами запастись. А почему вы так странно себя ведете?

— В плане? То, что дома продаю и по сторонам озираюсь? — ухмыльнулся тот кривыми зубами, поняв, о чем речь.

— Ну да, я именно про это.

— А ты что же никогда не слышал, что торговля оружием запрещена? Как в принципе и ношение в населенных пунктах?

— В первые слышу, — удивился парень, брови поползли. — Но ведь некоторые люди ходят с дубинами и мечами, а вдруг ночью чудище встретят.

— М-да, парень. Да как бы да, конечно, всем срать на этот закон, своя безопасность важнее. Просто не дай бог Темные тебя с мечом увидят или прочухают, что такие как я торгуют — казнят думаю сразу. Ну ладно, харе языками молоть, пошли — глянешь товар.

— А слушайте, — обратившись к торговцу, выдал задумавшийся покупатель. — А вы только продаете оружие или еще и покупаете?

— Хех, ну в принципе я могу выкупить у тебя что-нибудь, но имей в виду, что цену я предложу невысокую.

— Учту, спасибо.

Торговец проводил Джона в дальнюю комнату и представил посетителю свой товар. Среди продаваемого были мечи, кинжалы, луки, стрелы, кожаные доспехи и кольчуги. Парень, рассмотрев весь ассортимент, взял на часть денег небольшой составной лук, колчан стрел и кожаные охотничьи перчатки — лук легкий, тетива тугая. Также он приглядел себе гамбезон, но денег на него не хватало, и отправляться за разбойниками в лес пришлось в простой одежде. Джон решил, что броня необходима и как только у него будет достаточно клыков, то сразу же купит себе что-нибудь для защиты...

Выйдя из дома торговца во всеоружии и оставив там большую часть монет, некогда принадлежавших Уриху, Джон стал чуточку больше походить на воина, нежели на простого крестьянина. Лишь хороших доспехов ему не хватало, для того чтобы выглядеть еще более вну-

шительно. Он жалел, что не взял из Чистой свой охотничий лук, хотя если подумать, то взятый им сейчас значительно превосходил старый. Теперь парень был готов отправляться в деревню Раскольную на поиски лагеря разбойников в ее лесах...

Полдень. Деревня Раскольная...

Как оказалось, Раскольная была расположена относительно недалеко от поселения, и дорога до нее заняла каких-то четыре часа, вместо привычных семи, десяти — солнце еще высоко, пыль под ногами, река Коренавка петляет рядом. Оказавшись в деревне, парень не спешил в лес: сначала нужно узнать у местных о возможном местоположении лесного лагеря. Дома здесь жались друг к другу — бревна в мху, дым из труб, куры под ногами. Бабы шептались у колодца,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.